

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

Ю. ГАРДЕНИНЪ.

ПАМЯТИ Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО

Какой свѣтильникъ разума погас!
Какое сердце биться перестало!

ПАМЯТИ Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО.

Какой свѣтильникъ разума погасъ!
Какое сердце биться перестало!

I

Умеръ одинъ изъ самыхъ крупныхъ русскихъ мыслителей-соціалистовъ, умеръ послѣдній изъ могиканъ славнаго поколѣнія семидесятыхъ годовъ, умеръ человекъ, отражавшій въ своихъ писаніяхъ и неизмѣнный идеалистическій порывъ цѣлаго ряда революціонныхъ поколѣній русской интеллигенціи къ свѣтлому соціалистическому будущему, и мѣнявшуюся, въ связи съ переменной обстановкой, ихъ тактику...

Здѣсь мы не задаемся цѣлью подводить итоги тому, что онъ далъ для этическаго, соціологическаго и общефилософскаго обоснованія соціализма. Теоретическая сторона дѣятельности этого необычайно многограннаго писателя, во первыхъ, слишкомъ сложна и широка, во вторыхъ — слишкомъ связана съ дѣятельностью другого, недавно похищеннаго смертью мыслителя — П. Л. Лаврова, чтобы ее можно было охватить въ короткой газетной статьѣ. И потому здѣсь мы остановимся лишь на связи литературной дѣятельности Н. К. Михайловскаго съ общественнымъ движеніемъ, съ общественной борьбой его времени. Быть можетъ, эта связь одними забыта, другимъ не была извѣстна, третьимъ рисуется въ смутныхъ очертаніяхъ — и напомнить о ней есть нашъ первый долгъ передъ памятью человека, умѣвшаго такъ связывать жизнь съ литературой и литературу съ жизнью...

Одной изъ первыхъ же своихъ статей Михайловскій откликнулся на событіе, въ свое время крайне взволновавшее и смутившее немногочисленные еще тогда ряды русскихъ революціонеровъ. Это было — политическое ренегатство бывшаго „сподвижника Герцена“, какъ называло его обществен-

ное мнѣніе — В. Кельсиева. Конечно, впечатлѣніе отъ этого ренегатства нельзя и сравнить съ позднѣйшимъ событіемъ — ренегатствомъ Льва Тихомирова, но все таки торжество и ликования реакціонеровъ и смущеніе въ юной, просыпающейся къ борьбѣ Россіи были естественны. За русской революціей еще не было окрѣпшихъ традицій, она была еще молодымъ, свѣжимъ побѣдомъ отъ старыхъ корней русскаго общества; ея моральный престижъ долженъ былъ быть еще только установленъ, симпатии и уваженіе общества — еще только завоеваны. Въ лицѣ «высочайше помилованнаго» ренегата, афишировавшаго свое выздоровленіе отъ вредныхъ и опасныхъ заблужденій социализма и революціи, въ колеса новаго движенія вставлялась палка. Предстояло отвырнуть ее — и это было первымъ литературнымъ дѣломъ Михайловскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ блестящей статьѣ онъ показалъ, что Кельсievъ — вовсе не плоть отъ плоти и кость отъ костей настоящихъ борцовъ, что онъ не дитя новой исторіи, а жертва старой русской исторіи, ее дѣтище, попавшее лишь по недоразумѣнію въ революцію, искавшее въ ней не того, что ищутъ большинство лучшихъ людей — не служенія высокому идеалу, не удовлетворенія жаждѣ правдоискательства, а лишь удовлетворенія собственной жаждѣ сильныхъ ощущеній, фантастическому, авантюристскому складу своей натуры, лишенной всякихъ прочныхъ нравственныхъ началъ. И это первое ренегатство въ социалистическомъ лагерѣ, такимъ образомъ, служило только къ чести этого послѣдняго.

Поднимавшее свою голову революціонное движеніе вообще должно было пережить много испытанийъ. Оно искало себѣ ощутную дорогу въ глухавшихся сумеркахъ реакціи, брелъ тернистыми дорогами, прокладывая опасный путь черезъ ту пропасть, которую мачиха-исторія вырыла между вышедшей изъ культурной среды интеллигенціей и трудовыми массами. Воспринявъ новое евангеліе социализма отъ Интернаціонала, революціонная молодежь смѣло пошла бросать сѣмена новаго ученія въ каменную, невзыскленную почву своей необъятной родины. Народная жизнь была еще для нея дремучимъ лѣсомъ. Прѣлзженныхъ дорогъ не было, и

за каждымъ кустомъ ее подкарауливали хищные звѣри и ядовитые гады...

Правительство уже готовилось извести крамолу до глѣ, вырвать ее съ корнемъ. Его литературные прислужники зорко сторожили каждый шагъ молодого движенія, чтобы при первой крупной ошибкѣ намынуться на него изъ подъ своихъ литературныхъ подворотень. И, наконецъ, поводъ былъ поданъ. Дѣло Нечаева показалось темнымъ силами прошлаго удобнымъ случаемъ, чтобы, затѣявъ публичный процессъ, погубить въ глазахъ общества новое направленіе, взваливъ на него всѣ индивидуальныя грѣхи «нечаевщины»... Ударъ, казалось, былъ нанесенъ рѣшительно и вѣрно. На помощь правительству пришелъ здѣсь и огромный, но большой талантъ Достоевскаго, когда-то пострадавшаго по дѣлу кружка петрашевцевъ, нравственно искалѣченнаго сааторгой, вивавшаго въ мистицизмъ и воображавшаго себя новымъ пророкомъ великой православной миссіи славянства. Своимъ яркимъ перомъ онъ изобразилъ жертвъ революціи, какъ невѣжественныхъ безумцевъ, порвавшихъ съ народной правдой, чужихъ русской душѣ, оторвавшихся отъ истинной національной подоплоски и превратившихся въ безпочвенныхъ «общечеловѣковъ», въ комичныхъ *citoyens du monde civilisé*. Въ своихъ «Бѣсахъ» онъ улодобилъ картину краха нечаевскаго дѣла евангельской картинѣ о тѣхъ бѣсахъ, которые вошли въ стадо свиней и заставили ихъ броситься въ море и потонуть. Такъ встрѣчены были первыя жертвы правительственной репрессіи 70-хъ годовъ...

«Отечественныя Записки», въ лицѣ Михайловскаго, смѣло выступили въ качествѣ идейнаго представителя людей, на которыхъ обрушилась эта ностыдная трагедія. Въ дѣломъ рядѣ статей Михайловскій показывалъ, что трудовыя основы жизни низшихъ, эксплуатируемыхъ классовъ и вытекающіе изъ этихъ основъ элементы народной психологичи и міросозерцанія какъ разъ и дають то, что, въ своемъ логическомъ развитіи и научной обосновкѣ, составляетъ позорный Достоевскимъ общественный идеаль известной части русской интеллигенціи. И въ отвѣтъ на указаніе, будто она «оторвалась отъ народной правды» и навязываетъ народу какія

то чужды его жизни выдумки, Н. К. Михайловский писал: «Если бы вы, г. Достоевский, ближе познакомились с позорным вам социализмом, вы убедились бы, что он совпадает с некоторыми, по крайней мере, элементами народной русской правды». В ответ на упрек, что интеллигенция — чужая народу, Михайловский смело поднимала брошенную перчатку и заявляла, что чужда она народу лишь постольку, поскольку она еще принадлежит к старому миру насилия и эксплуатации, в котором родилась и воспиталась, поскольку она не успела проложить дорогу к рабочим массам через пропасть, вырытую вками. «Мы — я говорю «мы», потому что выжила себя в честь стоять в рядах этих citizen'овъ — мы поняли, что сознание общечеловѣческой правды и общечеловѣческих идеаловъ далось намъ только благодаря вѣковымъ страданіямъ народа. Мы не виноваты в этихъ страданіяхъ, не виноваты и в томъ, что воспятились на ихъ счетъ, какъ не виноваты яркій и ароматный цвѣтокъ в томъ, что онъ поглощаетъ лучшіе соки растения. Но, принимая эту роль цвѣтка изъ прошедшаго, мы не хотимъ ея в будущемъ... Мы пришли къ мысли, что мы — должники народа, и ставимъ эту мысль во главу угла и вашей жизни, и нашей дѣятельности...» На взглядъ Достоевскаго выходило такъ, будто поразившіе общественное вниманіе «новые люди» суть какіе то самодуры-эгоисты, желавшіе навязать всей Россіи свою волю, свою глупую фантазію. Михайловский показывалъ, что на дѣлѣ имѣетъ мѣсто какъ разъ противоположное — истинные подвиги самоотреченія. «Вы смѣетесь надъ неслѣпымъ Шигалевымъ и несчастнымъ Виргинскимъ за ихъ мысли о предпочтительности социальныхъ реформъ передъ политическими. Это характерная для насъ мысль, и знаете-ли, что она значитъ? Для «обще-человѣка», для citizen'а, для человѣка, вкусившаго плодовъ общечеловѣческаго древа познанія добра и зла, не можетъ быть ничего соблазнительнѣе свободы политической, свободы совѣсти, слова, устнаго и печатнаго, свободы обмена мыслей (политическихъ сходякъ) и пр. И мы желаемъ этого, конечно. Но если всѣ связанные съ этой свободой права должны

только протянуть для насъ роль яркаго и ароматнаго цвѣтка, — мы не хотимъ этихъ правъ и этой свободы! Да будутъ они прокляты, если они не только не дадутъ намъ возможности разсчитаться съ долгами, но еще увеличатъ ихъ!»

«И если бы вы знали, г. Достоевский! — закачиваетъ Н. К. свою статью — «какъ мучить иногда совѣсть бѣдныхъ citizen'овъ, признающихъ свой долгъ, особенно *в виду того, что знали и не сознаютъ себя кредиторами*... Если бы вы знали, какъ мучительно напрягается иной разъ ихъ мысль, *взвѣшивая способы пошатины дома!*»

Какъ сдѣлать, чтобы эксплуатируемый рабочій народъ созналъ себя кредиторомъ буржуазно-монархическаго общества? Какъ сдѣлать, чтобы онъ грозно потребовалъ обратное свое отъ этихъ должниковъ, нагло издѣвающихся надъ своимъ кредиторомъ? Какъ лучше всего могутъ «погасить свой долгъ» передъ рабочимъ людомъ тѣ, кто сознаютъ себя должниками? Таковы были «проклятые вопросы», вставшіе передъ молодымъ поколѣніемъ. И на эти вопросы должна была давать отвѣтъ литература, которую в это самое время травилъ выжлятникъ самодержавія, которую безжалостно обрубали, втискивая въ прокустово ложе и превращая ее — говоря словами Некрасова — въ «бѣдную, въ крови, кнутомъ изсѣченную Музу»...

Да не легкая это была обязанность — быть идейнымъ центромъ, взявшимъ на себя задачу охраны въ легальной русской литературѣ интересовъ юной революціонной Россіи. Тѣмъ болѣе нелегкая, что прославившее общественное сознаніе было еще такъ незрѣло, а всѣ безобразія самодержавно-дворянско-чиновничьей Руси, быстро сроднившейся въ процессѣ взаимоприспособленія съ буржуазной плутократіей, такъ били въ глаза, что всякая оппозиціонная идеология, всякій, даже самый крошечный источникъ свѣта въ окружающемъ мракѣ могъ сойти за солнце. И культурническое толченіе воды въ ступѣ политически индифферентнаго, но благожелательнаго обывателя; и полувершковый либерализмъ помѣщика-земла, который самъ не знаетъ, чего онъ хочетъ — «не то конституціи, не то севрюжины съ хрѣномъ»; и либерально-консервативныя шатанія еще не

осознавшей себя политически буржуазии; и расхоже-либеральное фрондирование безпочвенных межумков и литературных флюгеров; и двусмысленные вздохи о «народной правде» эпигонов вырождающегося славянофильства; и хамелеоновскія рѣчи переодѣтыхъ реакціонеровъ о «народной политикѣ»; и «самобытичнство», впадающее въ реакціонный націонализм; и реакціонный націонализмъ, маскирующийся самобытичнствомъ — всѣ эти теченія разставляли наивно-глупо или предательски-хитро свои сѣти для уловленія «малыхъ сихъ». Въ окружающей тѣмъ не только «сіяніе мѣднаго таза либерализма», но даже любая салыная свѣчка могла порой сходить за солнце разума и свободы...

Н. К. Михайловскій явился въ легальной литературѣ тѣмъ опытнымъ рулевымъ, который твердою рукою ведетъ утлую ладью нарождающагося социально-политическаго самосознанія между подводныхъ скалъ, шхеръ и заливовъ, оканчивающихся непроходимыми тупиками, въ открытое море широкой и смѣлой социальной борьбы... Онъ выдержалъ безчисленное количество битвъ съ врагами социализма; онъ выдержалъ не мало битвъ и съ его близорукими друзьями, заблудившимся въ лабиринтѣ тогдашней социально-политической дѣятельности и увлекавшихъ за собою, сбивавшихъ съ истинной дороги другихъ...

То было время, когда съ одной стороны стояли чистые «пропагандисты»-лаврсты, съ другой — «бунтари»-бакунисты. Одни бросались въ крайность почти культурническаго, методическаго умественнаго перевозосиганія въ социалистическомъ смыслѣ народа; другіе перегибали палку въ противоположную сторону, отрицая всякую пропаганду, требуя лишь агитаціи, революціонныхъ «поступковъ», вовлеченія народа въ революціонное движеніе заразительной силой примѣра, т. е. спорадическихъ волненій, хотя бы на чисто экономической почвѣ. Не было выработано даже сознанія необходимости прочной, стройной *организации* революціонныхъ силъ. Не было широкаго синтеза различныхъ методовъ дѣятельности и борьбы. Работали разрозненно, анархически, партизански. Въ одной части революціонеровъ достигала своего апогея идеализация народа, и на революціонную интел-

лигенцію возлагалась исключительно обязанность «формулировать» то, что уже создано самимъ народомъ; формулировать и бороться вмѣстѣ съ народомъ за его уже понятые имъ, ближайшіе, непосредственные интересы. Зарождалось стремленіе пассивно приспосабливаться къ данному уровню народнаго самосознанія, ступеневать тѣ пункты программы, которые въ это самосознаніе пока не укладывались, или укладывались лишь съ большимъ трудомъ. Словомъ, съ «народомъ» — т. е. прежде всего деревенскимъ народомъ — происходили въ революціонной мысли все тѣ же патанія (чистый пропагандизмъ, агитація, экономизмъ, «хвостизмъ», отсутствіе организаціи, пренебреженіе политикой и т. д.) которыя впоследствии она повторила вокругъ пролетариата, въ періодъ марксизма — этого народничества названнаго. Изъ этихъ патаній, изъ этого броженія лишь медленно, лишь съ большимъ трудомъ выработался широкій, разносторонній и цѣлостный революціонный синтезъ, воплотившійся вскорѣ — сначала въ «Землѣ и Волѣ», затѣмъ въ логически изъ нея развившейся «Народной Волѣ»...

И здѣсь заслуживаетъ глубокаго вниманія публицистическая дѣятельность Михайловскаго. Рѣче, чѣмъ кто-нибудь, возсталъ онъ противъ рабскаго приспособленія къ «мнѣніямъ народа». Безпошаднѣ, чѣмъ кто-нибудь, онъ показывалъ, что исторически сложившіяся «мнѣнія народа» часто противорѣчатъ «интересамъ народа». Въ борьбѣ, раздѣлившей нашу литературу на два лагеря подъ знаменемъ двухъ этихъ формулъ, онъ ярко доказывалъ весь вредъ, всю нелѣпность идолопоклонства передъ народомъ; доказывалъ, что святы для насъ только его *интересы*, поскольку они являются «интересами труда» и ведутъ въ своемъ логическомъ развитіи къ борьбѣ за царство труда, т. е. *социализма*. Это не означало, конечно, барски-пренебрежительнаго отношенія къ народу. Михайловскій говорилъ, что, поскольку жизнь массъ провинкута трудовымъ началомъ и его интересами, постольку мятущейся интеллигенціи, лишь съ трудомъ стряхивающей «прахъ стараго міра» со своихъ ногъ, есть къ чему прилѣпиться душой, есть на что опереться въ этой сермяжной массѣ, — но есть съ чѣмъ ей и бороться въ

міросозерпання и психологій народа, есть что сообщить, дать ему... «И только изъ взаимодействіи *его и нашего*» — писалъ Н. К. — «и можетъ возникнуть вождельный новый періодъ русской исторіи... О, еслибы я могъ утонуть, раскинуться въ этой сѣрой, грубой масѣ народа, утонуть безповоротно, но сохранявъ тогъ свѣточъ истины и идеала, какой мнѣ удалось добыть на счетъ того-же народа! О, если бы и вы всѣ, читатели, пришли къ тому-же рѣшенію, особенно тѣ, у кого свѣточъ горитъ ярче моего и вообще свѣтло и безъ единости... Какая бы это выпала иллюминація и какой великій историческій праздникъ она огмѣтила бы собою! Нѣтъ равнаго ему въ исторіи...»

Если вопросъ о приспособленіи къ политическимъ воззрѣніямъ народа (въ крайнемъ, каррикатурномъ видѣ дошедшемъ въ единичной, впрочемъ, попыткѣ Стефановича дѣйствовать, не брезгуя приманкой царскаго имени) обсуждался въ легальной литературѣ въ превращенномъ видѣ — руководиться ли только «интересами» или и «мнѣніями» народа? то тѣжба между началами «пропаганды» и «агитаціи» на ея эволюскомъ языкѣ фигурировала въ видѣ спора о томъ, считать ли «умъ» или «чувство» главнымъ «факторомъ прогресса». И тутъ Михайловскій выступилъ рѣшительнымъ сторонникомъ воплощавшагося позднѣ революціоннаго синтеза, съ негодованиемъ протеста противъ этой «средней и нелѣпой тѣжки» между «умомъ» и «чувствомъ». Такъ, напримеръ, онъ въ одной изъ статей наглядно рисуетъ нормальное отношеніе между различными элементами дѣятельности въ программахъ освободительнаго движенія. Онъ беретъ въ примѣръ освободительную борьбу болгаръ противъ турокъ, оговариваясь, однако, что «квартина будетъ не вполнѣ соответствующей дѣйствительному положенію вещей въ Болгаріи; такъ, онъ предполагаетъ, что «болгаре» въ его примѣрѣ имѣютъ огромный численный перевѣсъ надъ турецкими угнетателями», но что лишь «чувство независимости въ болгаряхъ такъ слабо, что имъ и въ голову не приходитъ мысль о полной возможности сбросить турецкій гнетъ». Словомъ, онъ очень недвусмысленно даетъ понять, что рѣчь идетъ совсѣмъ не о «вышнихъ», а о нашихъ соб-

ствешныхъ, домашнихъ, «внутреннихъ туркахъ», и что въ образѣ болгаръ угнетенные фигурируютъ исключительно по той-же самой причинѣ, по которой въ русской беллетристикѣ первый типъ активнаго борца, пришедшаго на смѣну «лишнимъ людямъ», облека въ плоть болгарина Инсарова; или потому же, почему мелко-либеральную нашу прессу въ ту же эпоху заполнялъ «шопотъ, робкое дыханье» и вздохи о томъ, почему русскій царь «не даетъ намъ того, что онъ далъ болгарамъ», понимай — конституціоннаго государственнаго устройства...

Итакъ, на этомъ примѣрѣ Михайловскій разбираетъ выраженное въ легальной литературѣ мнѣніе народниковъ — бунтарей, что не пропаганда, а лишь заразительный примѣръ, частіанскъ возстаній создаетъ революціонную готовность въ народѣ — или, въ переводѣ на языкъ тогдашней легальной литературы, «не распространение идей независимости, а только *поступки, внушаемые чувствомъ* независимости, развиваютъ и усиливаютъ это чувство». Михайловскій безжалостно высмѣивалъ всю узость и упрощенность такой политической конструкціи. Онъ обращалъ вниманіе и на то, что горсть людей «можетъ сама совершить подобіе *поступки*, и не добиться ничего, если въ массѣ (гипотетической «болгарской») націи... чувство независимости слабо»; что «сама нація должна совершать *поступки*»; что этого то и нужно добиваться распространеніемъ идей, разъясненіемъ болгарской (чужай «русской») Ю. Г.) націи всего ужаса и позора ея положенія»; что такое распространение идей есть также «поступокъ», и угнетатели своими дѣйствіями прекрасно показываютъ, что хорошо понимаютъ это. Онъ указывалъ на другое громадное препятствіе для борьбы — на *неорганизованность* тѣхъ, кто долженъ бороться: они «не только непосредственно слабы чувствомъ независимости; они невѣжественны и потому естественно находятся подъ гнетомъ авторитета и съ покорностью судьбъ везутъ свое ярмо; они *изолированы другъ отъ друга*, сидятъ каждый подъ смоковницей своей и не имѣютъ даже полномочія сойтись съ сосѣдомъ, который тоже сидитъ подъ смоковницей. Для того, чтобы они *признали силу свою*, они

должны объединиться, а объединение может быть совершено только подбором единомышленников», т. е. опять таки распространением идей...»

Выступая, таким образом, против исключительного буртарства и анархического отрицания организации, Михайловский был однако чужд и крайностей чистого пропагандизма тѣх лавристовъ, по отношенію къ которымъ даже самъ ихъ учитель П. К. Лавровъ долженъ былъ выослѣдствіи заявить — подобно Марксу о своихъ ученикахъ — что онъ «не лавристъ»... Н. К. не только не отрицалъ значенія революціонныхъ «постушковъ», но еще подчеркивалъ и ревностно оправдывалъ съ моральной и политической точки зрѣнія нѣкоторые виды такихъ «постушковъ», значеніе которыхъ вскорѣ послужило яблокомъ раздора среди русскихъ социалистовъ и раскололо «Землю и Волю» на «Народную Волю» и «Черный Передѣлъ».

Въ концѣ 1878 г. — въ этотъ рѣшительный моментъ исторіи нашего движенія, когда выстрѣлъ В. Засуличъ явился — быть можетъ, помимо сознанія ея самой — симтомомъ знаменательнаго поворота къ болѣе интенсивной борьбѣ — Михайловскій воспользовался, разумѣется, «отвлеченно-философской темой» (объ этическихъ воззрѣніяхъ Дюринга), чтобы высказать нѣсколько мыслей о нравственной доступности и обязательности самихъ рѣзкихъ формъ «борьбы со зломъ». «Бывають историческіе моменты, когда даже благородѣйшіе люди, вынужденные борьбой съ представителями какой то «смѣси чловѣка со скотомъ», прибегаютъ къ жестокимъ средствамъ и должны вслѣдствіе этого въ извѣстной мѣрѣ нравственно деградироваться». Это надо прямо признать, ибо жизнь есть вещь суровая и часто жестокая, и въ ней чертѣдко приходится выбирать одно изъ двухъ золь. Маниловскіи представленія о томъ, будто въ жизни все «добро зло», нуко отбросить, «Подобная ложная представленія отнимаютъ звергію въ жизненной борбѣ, которая неизбежна». «Разъ обида нанесена, разъ насиліе совершено, надо видѣть во врагѣ врага, причемъ оказываются дозволительными орудія хитрости и насилія». Человѣческая жизнь — всякая чловѣческая жизнь — конечно, дорога, но когда

ея носитель превращается въ простое орудіе нашего угнетенія, въ «обезчловѣченную машину» — то «съ ней слѣдуетъ поступать такъ же, какъ мы вообще поступаемъ съ наносящими намъ вредъ орудіями — мы ихъ уничтожаемъ или какъ нибудь убираемъ съ дороги». И если такая личность подвергается насилію — то «она только пожинаетъ плоды собственной несправедливости». «Зло существуетъ, и съ нимъ надо бороться — бороться иногда жестокими — даже террористическими средствами...»

Такова, въ самыхъ общихъ чертахъ, была политическая позиція, занятая Н. К. Михайловскимъ, какъ знаменосцемъ революціоннаго поколѣнія 70-хъ годовъ въ легальной литературѣ.

II

Въ 70-хъ годахъ мы видѣли Михайловскаго въ его публицистической дѣятельности занятымъ главнымъ образомъ тщательной разработкой идеи «интересовъ народа» въ смыслѣ совокупности трудящихся классовъ, и войной на два фронта — съ одной стороны, противъ теченій, подмѣнявшихъ интересы народа формулами національнаго богатства, самобытно-русскаго развитія, государственнаго величія и т. п.; съ другой стороны — противъ идолопоклонства передъ данными «мнѣніями народа», передъ даннымъ уровнемъ его сознанныхъ, непосредственно имъ прочувствованныхъ потребностей. Логическое развитіе въ этой идейной, а параллельно ей и въ жизненной борбѣ, уже къ концу семидесятыхъ годовъ выдвинуло новыя задачи, попытки разрѣшенія которыхъ вынесли въ лѣтисисіи начала слѣдующаго десятилѣтія рядъ трагическихъ, кровавыхъ страницъ. На очередь самую жизнью была выдвинута вопросъ о политической свободѣ, о непосредственной борбѣ за нее и объ отношеніи этой борбѣ къ основнымъ интересамъ трудовыхъ и эксплуатируемыхъ массъ.

Извѣстно, сколько застарѣлыхъ предубѣжденій было связано въ умахъ многихъ социалистовъ — народниковъ съ этимъ глужимъ вопросомъ. На Западѣ политическая свобода была

завоевана буржуазией, и это завоевание знаменовало эпоху безраздельного господства буржуазии. На баррикадах дрались рабочие массы, но они вывели в власти на собственных хребтах новых господ, новых своих поработителей. Неужели русские социалисты должны признать в этом исторической фатум, неужели они должны идти и звать за собой массы, чтобы выгнать капитал из огня для буржуазии? На этот вопрос не могло быть иного ответа, кроме отрицательного. А так как по аналогии с Западом было решено, что политическая свобода может пойти лишь на пользу буржуазии, то отсюда и слѣдовал вывод: нельзя на очередь ставить непосредственную борьбу против самодержавия; на очереди должна стоять революция рабочих масс, в одно и то же время в одинаковой мѣрѣ направленная противъ всѣхъ диктаторскихъ классовъ.

Въ связи съ этимъ стоялъ другой вопрос. Въ экономической жизни Россіи оказались задатки самобытнаго развитія, которыми социалистическая мысль дорожила и не могла не дорожить. Въ крестьянскихъ массахъ народники замѣчали отсутствіе выработанныхъ традицій частной собственности, традицій, которыя вѣками прививались къ западноевропейскому крестьянству и такъ затруднили доступъ социалистическимъ идеямъ въ европейскую деревню. Наис крестьянство практиковало, хотя и изуродованная выѣпательствомъ государства, формы уравнительнаго пользования землей подъ верховнымъ контролемъ всего «міра»: оно, въ связи съ этимъ, готово было смотрѣть на землю, какъ на «ничью», какъ на общее достояніе трудящихся. И если во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ Россія оказывалась отставшей, обдѣленной судьбой, то какъ же было не прибиться душой хоть въ этому благоприятному историческому наслѣдію? Какъ не стремиться къ тому, чтобы спасти и утилизировать въ интересахъ социализма эти драгоценныя черты общинной, трудовой народной правды? Но здѣсь то и возникалъ новый большой и тревожный вопрос: если Россія пройдетъ черезъ буржуазно-конституціонный фазисъ развитія, не вырветъ ли онъ съ корнемъ этихъ здоровыхъ побѣговъ, не заглушитъ ли онъ ихъ бурьяномъ и чертополохомъ индивидуализма и собствен-

ническаго фанатизма? Не предпочтительнѣе ли, сравнительно съ этимъ буржуазно-конституціоннымъ фазисомъ, даже русскій деспотическій, надъ классами стоящій монархизмъ? Быть можетъ даже онъ благоприятнѣе «интересамъ народа»? Могъ же онъ провести, несмотря на оппозицію привилегированныхъ классовъ, освобожденіе крестьянъ!

Анархическое отрицаніе парламентаризма и конституціонализма здѣсь оканчивалось «вѣроломной покатостью» въ сторону фактическаго припріенія съ абсолютизмомъ, какъ съ наименьшимъ зломъ для давней исторической эпохи. И мы знаемъ, что нѣкоторые декаденты народничества спатились по этой скользкой наклонной плоскости до цѣлаго ряда политическихъ двусмысленностей. Этимъ воспользовалась потомъ правительственная клика, эта шайка «людей съ мохнатыми сердцами», — и въ среднѣ 80-хъ гг. была провозглашена громогласно «эра народной политики». Ее бесстыдно провозглашали — употребляя выраженія Михайловскаго — литературные «мѣдые дбы», а имъ, разинувъ ротъ, внимали обыкновенскія «варенныя души». Дѣло дошло даже до появленія своеобразныхъ «народниковъ-монархистовъ»...

Какова же была позиция, занятая въ этихъ вопросахъ «Отечественными Занисками» и Н. К. Михайловскимъ, какъ руководителемъ ихъ политико-публицистическаго отдѣла?

Эта позиция для своего времени была чрезвычайно смѣлой, неожиданный и оригинальной. Съ необычайной силой Михайловскій выдвинулъ и неуставно доказывалъ такіа положенія: ошибочно думать, будто русской буржуазіи теперь выгодно политическая свобода; ошибочно думать, будто абсолютизмъ мѣшаетъ буржуазіи и искорененію самобытныхъ задатковъ высшаго развитія въ русскомъ народѣ: напротивъ, подъ крылышкомъ абсолютизма теперь, по крайней мѣрѣ, усиѣннѣе всего идетъ буржуазная «обработка» Россіи; политическая же свобода дастъ, по крайней мѣрѣ, возможность революціонной интеллигенціи вести болѣе широко и свободную борьбу противъ буржуазныхъ и вообще эксплуататорскихъ элементовъ, опираясь на широкія трудовыя массы...

«Буржуазія есть классъ людей, непосредственно не работающихъ, а имѣющихъ для того наемниковъ и владѣющихъ

орудиями производства» — говорил Н. К. «Это — коренная и всеобщая черта буржуазии, ее суть. Но, затѣмъ, нравственные идеалы буржуазии, ее политическія стремления, нравы, вкусы могутъ быть весьма различны, смотря по обстоятельствамъ времени и мѣста. Буржуазія можетъ быть мужественна или труслива..., вратъся къ свободѣ или прятаться подъ крылышко власти, *смотря по тѣмъ условіямъ, при которыхъ ей приходится исполнять свою миссію сосредоточеній въ немногихъ рукахъ капиталовъ и орудій производства вообще*». Когда то въ нѣкоторыхъ странахъ, дѣйствительно, «буржуазія была носителницей высокихъ идеаловъ свободы и энергической просвѣщенной дѣятельности, борпомъ за оскорбленное въ ей лицѣ челоѣчество... Но эти высокія качества были, говоря философскимъ языкомъ, акциденціей, а не субстанціей, обстоятельствомъ времени и мѣста, а не самой сущью буржуазии». Скоро это и обнаружилось: даже въ странахъ классическаго буржуазнаго либерализма началась метанья буржуазии отъ непримиримой борьбы съ пережитками феодальнаго абсолютизма къ попыткамъ союза съ ними противъ новаго врага — рабочихъ массъ. И вотъ, «съ тѣхъ поръ, какъ буржуазія завладѣла полемъ политики, Франція стала биться, какъ птица въ клѣткѣ, толкаясь то въ двери республики, то въ омутъ абсолютизма». Передъ рабочими массами, какъ и передъ лучшими интеллектуальными силами Европы, встала во весь ростъ обнаженная истина: оказалось, что борьба, которую они считали раньне борьбой за освобождение всего челоѣчества, — «вся эта борьба идея, собственно, изъ-за того, кому принадлежить право ѣсть трюфель — разбогатѣвшимъ мѣщанамъ или родовитымъ дворянамъ»...

Что же приходится сказать по русскую буржуазію? Да то, что она «какъ и вообще нашъ капитализмъ — нуждается въ настоящую минуту не въ свободѣ, а напротивъ — въ привилегіи, покровительствѣ, регламентации, правительственныхъ гарантіяхъ, субсидіяхъ. А не нуждаясь въ свободѣ вообще, она всего менѣе нуждается въ свободѣ мысли и слова... буржуазии нашей совершенно не нужны ни эти прекрасныя вещи, ни сосредѣлыныя съ ними». Въ то время,

какъ владычество буржуазии въ Европѣ осложняется «болѣе или менѣе высокими уровнемъ образования, исторически выработанными идеями политической свободы и гражданского равенства» — у насъ буржуазія свободна отъ этихъ «осложняющихъ условій»: «ни образования, ни политическаго и нравственнаго развитія тутъ, разумѣется, днемъ съ огнемъ не съищешь». Это умственное нищенство и политическое безплодіе русской буржуазии облегчаютъ ее взаимоприспособленіе со старыми формами деспотизма и перелопочаннаго на новый ладъ крѣпостничества. «Нашъ русскій буржуа, этотъ не вполне еще сложившійся конгломератъ помѣщика, мечтающаго о воскрешеніи тихихъ и простыхъ прелестей крѣпостного быта, разжирѣвшаго лавочника, кабатчика и кулака — этотъ конгломератъ понстинѣ чудовищень. Его чураться и бояться простительно даже тѣмъ, кто преклоняется передъ историческою ролью европейскаго буржуа».

Какова же роль русскаго монархическаго строя? Михайловскій не безъ намѣрена излагаетъ теорію Лоренца фонъ Штейна, по которой монархическая власть можетъ быть таратіей высшей социальной справедливости, будучи независима отъ узкихъ классовыхъ интересовъ и витая надъ классами. И Михайловскій показываетъ, до какой степени «не трудно опровергнуть штейновскую теорію власти», доказавши, что эта «власть не можетъ быть такъ изолирована отъ влияния ищущихъ классовъ». Въ частности, что касается Россіи, то «юридически, формально», нашъ строй отличается отъ европейскаго, гдѣ «всеми механизмомъ государственной жизни заправляютъ своекорыстные привилегированные классы»; но иначе окажется дѣло, если, выгето формальной стороны, мы посмотримъ на «реальныя отношенія силъ»... А это реальное соотношеніе силъ, при государственномъ строѣ Россіи, между желающей служить народу интеллигенціей и хищной буржуазіей, Михайловскій картинно уподобляетъ анекдоту объ одномъ уроженцѣ темныхъ странъ, аттакованномъ на дальнемъ сѣверѣ стаей собакъ. Онъ хотѣлъ было схватить для защиты камень, но оказалось, что камень примерзъ къ землѣ. И путешественникъ въ ужасѣ восклик-

путь: «о, несчастная страна, гдѣ камни привязываютъ, а собакъ пускаютъ бѣгать!»

И вотъ почему всѣмъ тѣмъ политически-наивнымъ элементамъ, которые мечтаютъ о томъ, что самодержавіе или единопличная диктатура можетъ сыграть исторически-прогрессивную роль въ такой моментъ, когда всѣ социальныя противорѣчія поставлены такъ рѣзко, Михайловскій говорилъ, что «Гарунъ-аль-Рашидъ былъ хорошій, и даже, можетъ быть, великій человекъ; но въ наше трудное время, съ усложненіемъ всѣхъ общественныхъ отношеній — Гарунъ-аль-Рашидъ стать невозможною; поэтому требовать или надѣяться, что Бисмаркъ, Гамбетта или иной государственный дѣятель повторитъ трогательную исторію Гарунъ-аль-Рашида — безумно». И это предостереженіе было болѣе чѣмъ не лишнее, когда начиналась эра «диктатуры сердца», Лорисъ-Меликовской политики загрызанія съ обществомъ. Михайловскій слишкомъ ясно видѣлъ, какъ подъ видомъ «сердечнаго попеченія» о странѣ маленькихъ Гарунъ-аль-Рашидовъ контрбанднымъ путемъ будетъ внесено раздѣленіе между широкими общественными слоями и революціоннымъ авангардомъ. И въ этомъ отношеніи политика Лорисъ-Меликова, возбудившая столько наивныхъ «безмысленныхъ мечтаній», съ точн. зрѣнія Михайловскаго, была лишь логическимъ дополненіемъ самодурнаго насильничества политики гр. Д. Толстого. Какъ говорилъ Н. К. въ одномъ изъ главъ своего «дневника читателя» — «волчья пасть, разъ она уже обезобразила ликъ человеческій, поподохнется лисьимъ хвостомъ, какъ своимъ логически необходимымъ спутникомъ»... И потому на смѣну «насилынку, которому наплевать на душу жертвы и который требуетъ только покорности и почитанія», насилынку, который «какъ есть въ сапогахъ, лѣзетъ въ душу жертвы, требуя любви ко всѣмъ, кто ей жпзнь отравилъ» — идетъ постановка новой декорации, при которой главный персонажъ долженъ «прогуливатъ въ голубомъ мундирѣ подъ голубымъ небомъ, смотрѣть на божій міръ голубыми глазами и подносить согражданамъ букеты изъ голубыхъ незабудовъ», и когда

«слѣды крови сердца, пролитой волчьей пастью, заметаются лукаво видяющимъ лисьимъ хвостомъ»...

Вотъ что ставилъ Михайловскій на видъ тѣмъ страстнымъ народникамъ, которые ради интересовъ народа готовы были въ политическомъ смыслѣ довольствоваться «акридами и дикимъ медомъ», жертвуя собственными потребностями въ свободѣ слова, печати и т. д. Въ одной изъ статей своихъ онъ съ этой точки зрѣнія даетъ краткую «философію исторіи» развитія политической мысли русской интеллигенціи. Онъ указываетъ на то, что еще одинъ изъ петрашевцевъ поразилъ императора Николая, стараясь доказать ему, что правительство, и только правительство, можетъ заложить въ Россіи краеугольные камни хозяйственнаго благосостоянія трудящихся массъ. Итакъ — «благонамѣренныя представители центральной власти и народъ, въ нашемъ предположеніи, должны были положить починъ новому, особливому историческому пути для Россіи. Вотъ почему мы готовы были не домогаться никакихъ правъ для себя». И это настроеніе «доходило до примѣровъ, даже мало вѣроятныхъ, о чѣмъ въ свое время скажетъ исторія. Пусть сѣкуютъ, мужика сѣкуютъ же» — вотъ какъ, примѣрно, можно выразить это настроеніе въ его крайнемъ проявленіи. И все это ради одной возможности, въ которую мы всю душу клали: именно возможности непосредственнаго перехода къ лучшему, вышему порядку, минуя среднюю стадию европейскаго развитія, стадию буржуазнаго государства...»

«Предполагалось, что нѣкоторые элементы наличныхъ порядковъ, сильные либо властью, либо многочисленностью*) возьмутъ на себя починъ продолженія новаго пути». П Михайловскій говорить, что хотя возможность «проложенія

*) Такимъ образомъ, Н. К. охватываетъ въ общей формулѣ все теченіе прежней русской социалистической мысли: выше онъ говорилъ о петрашевцѣ и о тѣхъ представителяхъ интеллигенціи, которые мечтали работать рука объ руку съ правительствомъ въ «цѣлю великихъ реформъ». здѣсь онъ, повидному, имѣетъ въ виду «кобинцевъ «Набата» и бунтарей, считавшихъ возможнымъ проложить болѣе непосредственный путь къ социализму — одинъ путемъ захвата власти, другіе путемъ всероссійскаго крестьянскаго возстанія.

новаго пути» остается «теоретическою возможностью» и до сих поръ, но недѣло закрывать глаза на то, что она «убываетъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ. Практика урѣзаетъ ее безощадно, сообразно чему наша программа ослабляется, оставаясь при той же конечной цѣли, но вырабатывая новыя средства». (1880 г.).

И Михайловскій предлагалъ «честно и трезво оглядѣться вокругъ себя» всѣмъ, кто мечтаетъ о томъ, чтобы его родину миловала чаша буржуазнаго развитія. Ибо «оскорбительно смѣшно представить себѣ русскаго человѣка, пьющаго изъ той же чаши, но съ комическою надменностью размахивающаго картоннымъ мечемъ и увѣряющаго, что онъ гарантированъ отъ европейскихъ язвъ. Осмотритесь, и вы увидите, что мы *еще* не имѣемъ лучшаго изъ того, что создано вѣковыми трудомъ Европы, но *уже* имѣемъ слишкомъ многое изъ ея печальнаго и грязнаго наслѣдія. Индѣ въ зародышѣ, а индѣ даже въ преувеличенномъ размѣрѣ, подъ сѣнью нашего недостроеннаго зданія*), разрастается многое европейское, *съ чьимъ сама Европа, по крайней мѣрѣ, имѣетъ возможность бороться*...»

Появленіе въ концѣ 1880 г. изслѣдованій Николая—она дало Михайловскому новый случай подчеркнуть, что мы давно уже «отворили пастежь свои ворота банкирской и желѣзно-дорожной Европѣ. Эта Европа, вторгаясь къ намъ безъ всякаго съ нашей стороны протеста, быстро и цѣлко душитъ задатки нашего оригинальнаго... экономическаго развитія. Наше недостроенное зданіе не только не мѣшаетъ этому вторженію, а, *напротивъ, способствуетъ ему волею и неволею*... А мы тѣмъ временемъ... рекомендуемъ *ожиданіе, какъ принципъ, какъ политическую программу!* А! дѣтъ 15 тому назадъ это были бы, можетъ быть, разумныя рѣчи. Теперь онѣ запоздали. Аплодируя торжественному вшествію банкирской и желѣзнодорожной Европы, смѣшно до... до чего хотите смѣшно *записать двери передъ Европой политической и научной!*» (1880 г.).

«Ожиданіе, какъ политическій принципъ и программу» рекомендовали не только тѣ самобытники-славянофилы, съ которыми здѣсь непосредственно полемизируетъ Михайловскій. «Подождать» съ непосредственной политической борьбой рекомендовали и тѣ шарошники, которые видѣли въ начатой Народной Волею борьбѣ за политическую свободу (открытие дверей «Европѣ политическаго тожъ») — измѣну принципамъ «чистаго» социализма. Ихъ боязни «урчливости буржуазинъ» онъ противопоставлялъ указаніе, что отреченіе отъ борьбы за политическую свободу не имѣетъ никакого смысла, разъ современный порядокъ оказывается царствомъ «всемогущаго братскаго союза мѣстнаго кулака съ мѣстнымъ администраторомъ». «Очевидно, никому отъ этого отреченія ни тепло, ни холодно, — кромѣ отрекающихся, которымъ холодно, и всемогущаго братскаго союза, которому тепло. Да, ему тепло, и въ этомъ корень вещей... Въ отношеніи аппетита, наглости, фактическаго могущества этотъ союзъ никакимъ европейскимъ буржуа не уступитъ...»

И такъ, вотъ почему Михайловскій одобрялъ тѣ «новыя средства», которыми осложнилась въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ гг., въ эпоху выступленія Народной Воли, программа русской революціонной интеллигенціи. Это не означало, однако, никакого поворота въ его принципиальныхъ воззрѣніяхъ, не означало и переоцѣнки политической свободы, такъ таковой. Сильно и красиво выразилъ онъ эту мысль: свобода была для него «солнцемъ, но только солнцемъ, а это хоть и очень, безпредѣльно много въ экономіи земного шара, но вовсе ужъ не такъ много въ своеобразной экономіи человѣческихъ идеаловъ: es leuchtet die Sonne über böse und gut». Политическая свобода безсилна измѣнять взаимныя отношенія наличныхъ силъ въ средѣ самаго общества, она можетъ только обнаружить ихъ, вывести на всеобщее позорище, а вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, придать большую яркость, обострить эти отношенія».

Въ связи съ этимъ, политическія задачи отнюдь не отодвигали на задній планъ социальныхъ задачъ революціи. Если и не предполагалось моментальнаго скачка черезъ всѣ

*) Напоминаю, что политическая свобода на языкѣ тогдашней легальной прессы обшчно называлась «урчичаніемъ зданія» реформъ.

промежуточные фазы прямо к социализму, то во всяком случае оставалась возможность некоторых весьма серьезных экономических завоеваний в пользу рабочего народа, завоеваний, которые, с одной стороны, облегчали бы рабочему люду шансы дальнейшей борьбы, с другой же укрепляли бы завоеванную свободу и отягачали возможность консервативной контр-революции. Михайловский обращал внимание читателей «Отеч. Записок» на факт «периодически повторяющегося во Европѣ и особенно во быстро живущей Франціи страннаго круговращения: политическая свобода, купленная иногда цѣною цѣлаго океана крови, падала отъ ничтожнаго толчка Бонапарта или другого охочаго до власти человѣка, чтобы потомъ вновь поднималась со страшными усиліями и вновь падать. Этотъ томительный круговоротъ объясняется тѣмъ, что ни разу еще политическая свобода, при своемъ зарожденіи, не осложнилась существовою помощью народу, который потому хладнокровно, а иногда даже сочувственно смотрѣлъ, какъ богиня свободы шаталась и падала съ своего пьедестала. Въ концѣ концовъ, только тотъ политическій порядокъ окажется непоколебимымъ, который не шарлатански, какъ это не разъ случалось во Европѣ, а искренно и честно заинтересуетъ собой миллионы». Нужно ли прибавлять, что это требование связать политическія задачи революціи съ социальными для того времени выражалось, прежде всего, въ старомъ лозунгѣ «Земля и Воля!», сохранившемъ свою силу и для народовольцевъ... И Михайловскій неустанно твердилъ, настаивалъ, умолялъ русскую интеллигенцію руководить этилъ вѣрнымъ маякомъ, не сбиваться по сторонамъ на разные фальшивые, блуждающіе огоньки, — и она высказывала твердую вѣру, что мы научимся, наконецъ, «выбирать предметы честванія и вражды, различать фальшивыя и настоящія драгоценности, а потому — *vogue la galère!*»

III

Условия русской жизни такъ сложились, что социализмъ, который въ болѣе передовыхъ странахъ выработался въ

политическую систему, какъ результатъ классоваго рабочаго движенія, — у насъ втеченіи вѣсколькихъ десятилѣтій былъ знаменемъ, вокругъ котораго сплачивалась революціонная интеллигенція. Много усилій пришлось ей сдѣлать, много средствъ перепробовать, прежде чѣмъ къ этому знамени стали стекаться рабочія массы. До этого не разъ передъ ней вставала роковая необходимость — вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы съ свирѣпыми атаками гораздо болѣе сильнаго врага. И много славныхъ страницъ написано было кровью этой революціонной интеллигенціи въ скрижали русской исторіи...

На литературу нашей лежала обязанность — осмысливать это движеніе революціонной интеллигенціи, какъ между-классовую, идеологическую силу, какъ того «умственного и моральнаго пѣвца націй» (выраженіе Либкнехта), который въ различное время и при различныхъ условіяхъ примыкаетъ то къ тому, то къ другому общественному классу — въ зависимости отъ того, на какомъ изъ этихъ классовъ въ данный историческій моментъ лежитъ болѣе яркая и идейно-привлекательная «положительная историческая миссія». Съ этой точки зрѣнія Михайловскаго особенно интересовали отношенія между русской буржуазіей и русской интеллигенціей. Она знала, конечно, что, вообще говоря, «интеллигенція и буржуазія могутъ идти рука объ руку, помогать другъ другу, даже совпадать; но это частный случай, а не общее правило». Для того, чтобы этотъ частный случай имѣлъ мѣсто, нужна наличность определенныхъ условій. Во Франціи передъ великою революціей такіа условія были. Буржуазія и въ социальной, и въ политической, и въ умственной области играла огромную творческую роль, такъ что, естественно, «интеллигенція, за чрезвычайно рѣдкими исключеніями, была въ полномъ единеніи съ буржуазіей... интеллигенція совпадала съ буржуазіей и утопала въ ней». «Съ другой стороны, и буржуазія добивалась, прежде всего, всякой свободы мысли и слова, которая нужна интеллигенціи, какъ вода рыбѣ». Но теперь и въ Европѣ «дѣла стоять, разумѣется, иначе... Новый общественный слой, такъ называемое четвертое сословіе, выставило свою, новую интеллиген-

длю». У насъ, въ Россіи, дѣла обстоятъ своеобразнымъ образомъ. Съ одной стороны, «для нашей интеллигенціи невозможна та безавѣтная искренность, съ которой европейская интеллигенція вренемъ расцвѣта либеральной доктрины ожидала водворенія чуть не райа на землѣ отъ проведенія въ жизнь буржуазныхъ началъ». Невозможна какъ потому, что у нея передъ глазами горькій урокъ Европы, такъ и потому, что въ Россіи менѣе, чѣмъ гдѣ либо, выступаетъ буржуазія творческой силой, и болѣе, чѣмъ гдѣ либо — разрушительной, хищнической, реакціонной...

Итакъ, въ Россіи историческія условія сдѣлали двѣ эти силы враждебными другъ другу. И мало того, что враждебными. Интеллигенція — та самая революціонная интеллигенція, которая у насъ дѣлала десятилѣтія должна была вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы съ царствомъ гнета и эксплуатаціи — приобрѣла значеніе такой силы, какой рѣдко являлась она въ другихъ странахъ. Развѣ только Италия представляетъ аналогическій случай. Русская революціонная интеллигенція была тѣмъ свѣтлымъ лучемъ въ темномъ царствѣ, который боролся съ ночнымъ мракомъ и предрасвѣтнымъ туманомъ, стремясь освѣтить, озарить народное сознаніе; и эта роковая борьба за сліаніе инициативнаго революціоннаго авангарда съ трудящимися массами была тѣмъ фокусомъ, въ которомъ соединялись всѣ нити исторіи. Исходъ этой борьбы являлся рѣшающимъ моментомъ. Съ трепетнымъ сердцемъ слѣдилъ Н. К. за всѣми перипетіями исторической драмы, которую онъ называлъ «тяжкою свободной мысли съ голубымъ мундиромъ», ибо — говорилъ онъ — «предоставьте русской интеллигенціи свободу мысли и слова, — и, можетъ быть, русская буржуазія не съѣстъ русскаго народа; наложите на уста интеллигенціи печать молчанія — и народъ будетъ навѣрное съѣденъ...»

Моментъ былъ тѣмъ болѣе драматиченъ, что отъ исхода столкновенія двухъ силъ зависѣли дальнѣйшія событія не только въ самой Россіи, но и далеко за предѣлами нашего отечества. Ибо — какъ указывалъ Н. К. — «мы издревле и нсейчасъ беремъ на себя роль всесвѣтныхъ полицей-

стеровъ или брандъ-майоровъ и водворяемъ „порядокъ“, восстанавливаемъ потрясенныя основы и тушимъ пожары на всемъ пространствѣ отъ Исландіи до Болгаріи“. А, между тѣмъ, онъ уже прозрѣвалъ зарю новаго пожара. «Я не вѣрю ни въ правотѣрность, ни въ прочность наличныхъ европейскихъ порядковъ* — писалъ онъ. «Въ Европѣ можетъ произойти въ близкомъ будущемъ огромный переворотъ... но какъ же не посмѣяться надъ увѣренностью, что погромъ этотъ разобьется о нашъ берегъ и обнаружитъ только особенность нашего національнаго организма. Совсѣмъ напротивъ, я думаю, онъ обнаружитъ, до какой степени нашъ національный организмъ сроднился уже, слился съ европейскимъ. Разныя тутъ могутъ выйти комбинаціи. Можетъ быть — чего Боже сохрани — мы, по старой памяти и по старымъ образцамъ примемся опять за „служеніе Европѣ“ (въ роли брандъ-майоровъ). — *а можетъ быть и на какой нибудь другой манеръ послужимъ...*“ (1880).

Вспомнимъ, что говорилъ по этому же поводу 2-3 года спустя Фр. Энгельсъ: «Все зависитъ теперь отъ того, что будетъ сдѣлано въ ближайшемъ будущемъ въ Петербургѣ, на который устремлены нѣмѣ глаза всѣхъ мыслящихъ, дальновидныхъ и проищательныхъ людей цѣлой Европы. Россія — это Франція шестидесяти лѣтъ. Ей законно и правомѣрно принадлежитъ революціонная инициатива новаго соціальнаго переустройства. Гибель царизма, уничтоживъ послѣдній оплотъ монархизма въ Европѣ... вызоветъ во всѣхъ странахъ могучій толчекъ въ сторону внутренняго переустройства“... Это — та же мысль, то же упованіе... А Михайловскій вѣрилъ, что въ Европѣ крушеніе стараго порядка приближается съ каждымъ годомъ...

Еще въ началѣ 70-хъ гг. онъ указывалъ на прогрессирующее разложеніе, деградацию, идейное и моральное вырожденіе буржуазіи — симптомъ того, что она идетъ на встрѣчу своему паденію — совершенно такъ же, какъ подобное же вырожденіе, развращенность, растлѣніе феодальнаго дворянства въ эпоху передъ великой французской революціей было симптомомъ того, что въ дверь стучится новый порядокъ вещей. Нравственная гниль и развратъ, чудовищно

прогрессирующие среди современных имущих классов, были в его глазах „наружной сыль“, симптомом болезни, производящей с исторической арены классы, историческая миссия которых кончается... „C'est la fatalité“. „Всегда и везде в обществе были элементы отживающие и всегда они развратничали. Разврат есть один из молотов историй“. И если теперь он так „распространен в самых слоях общества и одновременно во всех концах Европы, то это потому, что ампутация предстает больша... *Novum regum mibi nascitum ordo*“.

Дятелы того времени вѣрили и надѣялись, что имъ предстоитъ принять участие въ этомъ великомъ, мировомъ кризисѣ. Ихъ борьба ставилась для нихъ въ организческую связь съ борьбой труда противъ эксплуатаци въ остальномъ цивилизованномъ мѣрѣ. И это обвѣряло, поднимало и вдохновляло ихъ, это сообщало небывалый энтузіазмъ и энергію...

Бурное то было время... То было время, когда, по словамъ Н. К., „въ живой жизни происходили событія огромной важности, небывалыхъ размѣровъ и почти сказочнаго характера“. То было время, когда царь едва не превратился въ „Гатчинскаго узника — военнопленнаго русской революціи“. Никогда такъ не свѣршиствовали бѣлый терроръ реакціи, никогда съ такимъ упорствомъ не отбивался красный терроръ революціи, временами переходившій даже въ наступленіе. Конечно, революціонеры руководились прежде всего политическимъ расчетомъ, а не стихійнымъ чувствомъ, не простымъ желаніемъ мести врагамъ, хотя, какъ говорилъ Михайловскій — „съ другой стороны, однако, отчего же и имъ когда нибудь не побойтѣ за ту боль, которую они во кругъ себя распространяютъ, — не сами по себѣ разумѣется, а вкупѣ со стихійною силою вещей... Да, *боль за боль!*“ (1881 г.). Но это лишь побочный результатъ, а не основная цѣль борьбы. Въ лицѣ отдѣльныхъ представителей темнаго царства, царства самодурства, подлости и произвола, ведется борьба съ теченіемъ времени затянутымъ имъ строемъ. „Личныя раны съ теченіемъ времени затянутся... Острая боль отъ личнаго оскорбленія утонетъ въ хронической боли отъ „пороковъ вѣка“, въ борьбѣ съ которыми

страдающіе найдутъ единственнае возможное для нихъ удовлетвореніе... И безъ того они не личною только жизнью живутъ и даже обладаютъ сисціальною склонностью вытягивать изъ своихъ личныхъ дѣлъ ихъ общественное значеніе. Пусть тѣ именно представители подлости, которые непосредственно исковеркали ихъ жизнь, останутся безнаказаны или только въ малой степени ощутятъ боль, но, въ качествѣ частной мелочи, они, вѣдь, развѣ только презрѣнія заслуживаютъ, холоднаго, подавляющаго“. И борцы подлостью „со свѣтоцемъ правды въ рукахъ противъ общаго свѣтра подлости и, яко таеътъ рука отъ лица огня, подлость будетъ отступать все дальне, корчась отъ злобы и боли, будетъ ли то боль стыда или боль поражения, боль сознанія необходимости уйти, спрячаться“...

Но увы! Не такъ правдивы и прямолинейны въ исторіи этотъ процессъ вытѣсненія отжившаго прошлаго... Онъ прерывается періодами кратковременнаго, но тѣмъ болѣе злобнаго торжества реакціи, когда, на первый взглядъ, ей удается совершенно раздавить своихъ враговъ и на ихъ костяхъ отираждовать кровавую тризну. Такая эпоха настала, такое торжество реакціи водворилось, особенно, года два-три спустя послѣ 1-го марта. Это было, по словамъ Н. К., „время ужаса и чуть не повального одурѣнія; время невозможныхъ проектовъ перенесенія столицы въ Москву и общества взаимнаго добровольнаго шпіонства; время развѣта того дикаго якобы патріотизма, который, какъ хорошая охотничья собака, обнюхиваетъ каждый кустъ, не пахнетъ ли жидкомъ, полякомъ, вообще нерусскимъ, или „русскимъ измѣнникомъ“. Это было время наступленія котораго Н. К. такъ пророчески боялся, когда говорилъ, что, въ результатѣ всѣхъ этихъ разгромовъ и утратъ мы еще, пожалуй, „бросимся, очертя голову, въ омутъ некуستنннхъ возбужденій, плюнемъ на все реальное и обоготворимъ все фантастическое, восплянемъ вокругъ гробовъ, въ которые уложимъ живыхъ людей, и осыпемъ пошлунями — мертвецовъ...“ И въ самомъ дѣлѣ, даже у такого стойкаго человѣчка, какъ самъ Н. К. Михайловскій, при видѣ этого зрѣлища торжества реакціи вырвался скорбный вопль души: „цѣль и смыслъ

жизни затерялись в этом kaleidoscope разгромов. На что надеяться? во что верить? чего желать? к чему стремиться? Все разбито, раздвлено... „О, поле, поле, кто тебя усыля мертвыми костями?“

Но надоело поддаться такому настроению Н. К. не мог. И поле борьбы, усыянное мертвыми костями, напоминавшее тот „вырубленный лѣсъ“, гдѣ раньше были „дубы до небесъ“, а остались лишь обгорѣлые пни, — навѣвало на него не безпросвѣтное отчаяніе, а, не смотря ни на что, твердую вѣру в будущее. Онъ вспоминалъ и напоминалъ другимъ объ иномъ усыянномъ мертвыми костями полѣ, которое явилось в видѣніи пророку Іезекилю. И тамъ напоминалъ онъ конецъ видѣнія: „Произошелъ шумъ и движеніе, и стали сближаться кости, кость съ костью своею. И видѣлъ я, и вотъ жлы были на нихъ, и плоть выросла, и кожа покрыла ихъ сверху... и вошелъ въ нихъ духъ, и они ожили и стали на ноги свои“...

Эта вѣра въ то, что движеніе возродится, какъ фениксъ изъ пепла, помогла Михайловскому пережить мрачную эпоху реакціи, разброда, сѣмбуря, попраченія общественного сознанія. Онъ стоялъ на „славномъ посту“, охраняя отъ вслѣдующихъ насоковъ лучшія традиціи русскаго освободительнаго движенія, традиціи и принципы той эпохи, изъ которой, по его собственнымъ словамъ, онъ „залюлся святыми воспоминаніями на всю остальную жизнь“. Прошелъ „вѣкъ богатирей“. Въ атмосферѣ упадка духа, разочарованія, пониженія общественной энергіи, вокругъ кишѣли „мошки и букашки“ декадентства, культурничества, верхковаго либерализма, воскресшаго мистицизма, метафизики и т. п. нездоровые продукты нездороваго времени. Тягостная картина! Съ одной стороны являются господа, которые „съ ученымъ видомъ знатоковъ“, проваливаясь въ собственное глубокое мисліе, толкуютъ о необходимости „пантенистическаго примиренія съ дѣйствительностью“; съ другой стороны — люди, сѣгующіе, что передовая литература нарушаетъ ихъ душевное равновѣсіе, рисуетъ все въ мрачныхъ краскахъ; эти господа ищутъ, въ противовѣсъ ей, „свѣтлыхъ явленій“ въ окружающей дѣйствительности, и „froh sind, wenn sie Regen-

würmer finden“. Вотъ культурники, которые проповѣдуютъ теорію „малыхъ дѣлъ“, сѣгуютъ на людей, взваливающихъ на себя и другихъ „ремена неудобносимыя“, и требуютъ, чтобы всѣ жили умеренно и аккуратно, „по малу, по посаженки низкою перелетаючи“. Вотъ наивные, политически неразвитые люди, которые думаютъ, что борются съ царичиномъ зломъ, занимаясь жалкой стрипней какихъ то благонамѣренныхъ строго-легальныхъ попытокъ и „артельныхъ начинаній“ — дѣятельностью, которой Михайловскій далъ убійственною опредѣленіе: „avec l'ombre d'une brosse froter l'ombre d'une carcasse“ (французская поговорка: „чистить тѣнью щетки тѣвъ кареты“). Иные изъ этихъ культурниковъ могли душу владывать въ свою дѣятельность: но если ее и можно было назвать „борьбой“, то во всякомъ случаѣ „это не была борьба съ тѣмъ «краснымъ цвѣткомъ», который въ разсказѣ Гаршина впиталъ въ себя всю невинно-пролитую кровь, всѣ слезы и всю желчь человѣчества“. Съ другой стороны были самодовольные представители „безидейной сытости“, изводившіе литературу и искусство до „хожденія вокругъ обнаженнаго торса, порою не прикрытаго даже единственнымъ фиговымъ листкомъ“. Одно время пронеслось цѣлое повѣтріе — старческаа теорія „непротивленія злу насиліемъ“ пыталась отвлечь отъ революціи и дѣйствительно отвлечала многія лучшія сердца. И какъ безполадно разилъ Н. К. Михайловскій всѣхъ этихъ «дѣтей безвременья!» Стоитъ вспомнить хотя бы эту страстную отвѣдь Л. Толстому въ отвѣтъ на его рѣчи о самоусовершенствованіи и „непротивленіи“. „Какъ? Пусть лопатся къ валу въ домъ, пусть бьютъ отповѣ и дѣтей вашихъ — и горе вамъ, если вы сами вальцетъ коснетесь убійцъ! Какое возмутительное презрѣніе къ жизни, къ самымъ элементарнымъ и неизбѣжнымъ движеніямъ человѣческой души! Какое холодное резонерское отношеніе къ людскимъ чувствамъ и поступкамъ! И этому съ сочувствіемъ вынаывать, говорить, молодые люди, у которыхъ, естественно, „кровь кипитъ“ и „слезъ избытокъ“... Я не понимаю этого. Это какое то колоссальное недоразумѣніе, возможное только въ такіа мрачныя, тускляя времена, какія переживаемъ мы“.

Въ своихъ мечтаніяхъ Толстой забрелъ въ тупой переулокъ, узрѣвъ всепасающее средство въ „индивидуальномъ самоусовершенствованіи“ и не замѣтилъ возмутительнаго нравственнаго аристократизма, насквозь проникающаго эту теорию, игнорирующую зависимость морали отъ формъ социальной жизни и борьбы за измѣненіе этихъ формъ. Онъ просто презираетъ жизнь со всеми ея сложными формами. Онъ выстроилъ себѣ „келью подь елью“, куда разрѣшается ходить всѣмъ на поклоненіе и откуда самъ онъ презрительно выглядываетъ на весь божій міръ: рабы и свободные, батраки и самостоятельные хозяева, — какіе все это пустяки! Все, — все равно, все тринь-трава, лошъ бы старца въ кельѣ подь елью слушали, да злу не противились. Ужъ онъ, старецъ-то, лучше знаетъ, чѣмъ самъ рабъ или батракъ, чѣмъ спать убитой, брать замученнаго. Куда-жъ имъ, въ самомъ дѣлѣ, знать? Они только въ батракахъ живутъ, у нихъ только мать убили, брата замучили, а оя... онъ въ кельѣ подь елью сидитъ!“

Не нужно забывать, что съ точки зрѣнія Михайловскаго у Льва Толстого приходится отличать „десницу“ отъ „лѣвой руки“. Поскольку Толстой выступаетъ обвинителемъ существующаго зла во имя высшаго нравственнаго идеала взаимныхъ отношеній, — его проповѣдь „ударяетъ по сердцамъ съ невидомою силой“; она создала все его мировое величіе, она придала образу Толстого необыкновенную нравственную красоту. Поскольку же Толстой ограничиваетъ область борьбы противъ гнетущаго зла однимъ пассивнымъ сопротивленіемъ „недѣланіемъ“; поскольку онъ выступаетъ противъ реальной общественной борьбы, противъ практически-революціонной дѣятельности — Н. К. Михайловскій считалъ своимъ долгомъ настолько же рѣзко и рѣшительно выступить противъ него, насколько рѣзко и рѣшительно выступалъ онъ за него въ другихъ отношеніяхъ.

Въ этомъ отношеніи къ „толстовству“ онъ отнесся такъ же, какъ ко всѣмъ другимъ теченіямъ, которыя суживали размахъ революціонной борьбы, втискивая его въ то или иное доктринерское прокустово ложе, и своимъ неизбежнымъ послѣдствіемъ имѣя угашеніе революціоннаго духа.

Послѣдній періодъ дѣятельности Н. К. Михайловскаго — 90-е годы — былъ отмѣченъ расцвѣтомъ въ Россіи марксизма, и какъ теоретическаго міросозерцанія, и какъ практической программы, подъ знаменемъ которой начались попытки „строенія“ русской социаль-демократіи. Развитие въ Россіи крупной капиталистической индустріи, получившее сильный толчекъ во второй половинѣ 80-хъ годовъ, стало создавать значительные кадры все болѣе дифференцировавшихся отъ деревни промышленныхъ наемныхъ рабочихъ. Довольно много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи развивающійся капитализмъ — еще больше пробудилъ онъ надежды на будущую свою работу въ смыслѣ созиданія, стягиванія въ центры, организациі въ компактныя массы настоящаго промышленнаго пролетаріата, котораго прежде почти не знала Россія. Въ это время естественно было и зарожденіе направленія, которое было до такой степени увлечено творческой ролью капитала, что, оставаясь по своимъ идеаламъ социалистическимъ, могло громко и радостно огласить Россію двусмысленнымъ девизомъ: „Принимаемъ вашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму!“

Н. К. Михайловскому приходилось свести счеты съ этимъ направленіемъ, — тѣмъ болѣе, что само это направленіе горлоплощью свести счеты со всѣми предшествующими направленіями. Со всѣмъ пыломъ неопитовъ приверженцы новаго ученія объявили имъ войну, войну беспощадную, войну на жизнь и смерть. Каковы же были тѣ позиціи, на которыхъ застали Н. К. Михайловскаго вторженіе и натискъ новаго міросозерцанія, новой общественно-политической программы? И какъ защищалъ онъ эти позиціи?

Еще въ 1872 г., по поводу появленія на русскомъ языкѣ 1-го тома „Капитала“ К. Маркса, Михайловскій высказался въ томъ смыслѣ, что „порядокъ, такъ блестятельно изслѣдованный Марксомъ“ ему кажется „картинною и нашего возможнаго будущаго при извѣстныхъ условіяхъ“*). Воз-

*) См. «Литературныя воспоминанія и современная смута», т. I, стр. 340.

вращаясь къ этому вопросу въ 1875 г., Н. К. писалъ, что въ настоящее время Россія отъ большинства Западно-европейскихъ странъ отличается не только по степени, но и по самому характеру, самому *типу* своего общественного развитія. Но если этотъ типъ иной, то это не значитъ, что онъ инымъ и останется. „Когда то и въ Европѣ господствовалъ общинный элементъ, а въ будущемъ есть большая вѣроятность, что типы европейскаго и русскаго развитія съ теченіемъ времени сольются. Это можетъ произойти двумя путями. Или Европа круто повернетъ въ своемъ развитіи и осуществитъ у себя идею „единицы, олицетворяющей собою принципъ солидарности и нравственной связи“, чѣмъ въ Европѣ многие озабочены. Или мы побѣдимъ по торной европейской дорожкѣ, о чемъ у насъ также многие хлопочутъ. Я думаю даже, что весь интересъ современной жизни для мыслящаго русскаго человека сосредоточивается на этихъ двухъ возможностяхъ“. Вы видите, до какой степени ярко и полно совпаденіе взглядовъ на этотъ вопросъ у Михайловскаго 1875 г. и Маркса-Энгельса позднѣйшихъ годовъ. Достаточно вспомнить прежде всего заключительныя слова ихъ предисловія (пис. въ 1882 г.) къ русскому изданію „Коммунистическаго манифеста“: „Если русская революція послужитъ сигналомъ рабочей революціи на Западѣ, такъ что обѣ онѣ дополнятъ одна другую, то современное русское землевладеніе можетъ явиться исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія“; ибо русская революція, какъ говорилъ еще позднѣе (въ 1894 г.) Энгельсъ, „дастъ новый толчекъ рабочему движенію Запада, дастъ ему лучшія условія борьбы и тѣмъ ускоритъ побѣду промышленнаго пролетаріата, безъ котораго современная Россія не можетъ прийти къ социалистическому перевороту *ни черезъ общину, ни черезъ капитализмъ*“. Если жъ дѣло сверженія самодержавія въ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и международной рабочей революціи замедлится, исходъ можетъ получиться для Россіи гораздо менѣе благоприятный или даже совсѣмъ неблагоприятный: она, какъ говорилъ Марксъ въ „Письмѣ къ редактору „Отечест. Записокъ“ — „упуститъ самый рѣдкій и удобный случай, который когда либо представлялся странѣ,

миновать фазисъ капиталистическаго развитія“ и тогда, „разъ приведенная на лоно капиталистическаго строя, она подпадетъ подъ власть его неумолимыхъ законовъ...“

И такъ, въ свое время для Михайловскаго — какъ и для Маркса *) — существовали „двѣ возможности“, путемъ которыхъ можетъ слиться и направиться по одному курсу общественное развитіе Россіи и Запада: или „круглой поворотъ“, т. е. социальная революція въ Европѣ, при чемъ русская община позволяетъ намъ въ извѣстныхъ предѣлахъ болѣе прямымъ и непосредственнымъ путемъ социализировать собственность и трудъ; или же приближеніе типа нашего развитія къ европейскому, буржуазно-капиталистическому. И Н. К. Михайловскій съ всегда его отличавшимъ теоретическимъ безстрашіемъ — хотя и не *безстрашіемъ* — всматривался въ общій ходъ хозяйственнаго развитія Россіи, всегда предпочитая „тѣмъ низкихъ истинъ“ всякому „насъ возвышающему обману“ и тотчасъ валага персты свои во всякія „языки гвоздинныя“, которыми покрывала живое тѣло русскаго народа торжествующая, въ союзѣ съ самодержавіемъ, plutократія. Съ презрѣніемъ отзывался онъ при этомъ о всякомъ національномъ, самобытискомъ хвастовствѣ и о той „вѣрѣ въ какую то таинственную, непреодолимую силу основъ народнаго быта, вѣрѣ, которая надѣлала бы намъ много бѣдъ, если бы могла укрѣпиться“. (1876 г.). Менѣе всего склоненъ былъ Н. К. закрывать глаза на разложеніе этихъ „основъ народнаго быта“, когда оно дѣйствительно наблюдалось. И еще въ 1875 г. онъ говорилъ: „Оставляя даже въ сторонѣ прошедшее, мы видимъ, что чуть не съ каждымъ годомъ типъ народной жизни грозитъ измѣненіемъ и приближеніемъ къ европейскому типу. Цѣ-

*) Какъ мы уже видѣли, Марксъ выражался на этотъ счетъ крайне осторожно и условно, напр.: «Если Россія стремится стать націей капиталистическою по образцу западно-европейскихъ націй — а въ теченіи послѣднихъ лѣтъ она надѣлала себѣ въ этомъ смыслѣ много вреда (марксисты наши, въ противоположность Марксу, сказали бы, конечно, не «вредъ», а «пользу»). *Ю. Г.*», она не достигнетъ этого, не преобразовавъ предварительно доброй доли своихъ крестьянъ въ пролетаріевъ» и т. д.

лые вѣка пронесли надъ нашимъ народомъ, почти не затронувъ его духовной жизни, но наше время — совсѣмъ не то, что тѣ вѣка замкнутости и черепашьяго хода. Однѣхъ желѣзныхъ дорогъ, обрабатывающихъ почти въ ничто разстоянія между центрами и окраинами, достаточно, чтобы до очень высокой степени ускорить пульсъ народной жизни и заставить ее въ нѣсколько лѣтъ измѣниться сильнѣе, чѣмъ когда то въ нѣсколько вѣковъ...“

И вотъ почему въ свое время такой „народникъ-самобытникъ“, какъ Юзовъ, называлъ Михайловскаго „вреднѣйшимъ изъ марксистовъ“, такъ какъ, молъ, онъ „пытался убѣдить русскую интеллигенцію въ исторической необходимости капитализма въ Россіи“, а потому есть никто иной, какъ „одинъ изъ многочисленныхъ акушеровъ капитализма...“

И не смотря на это, представители марксизма при первомъ же своемъ выступленіи попытались смѣшать Михайловскаго въ одну кучу съ г. Юзовымъ, и съ г. В. В. Понстинѣ, „и смѣхъ, и грѣхъ“. Цѣлая пропасть всегда отдѣляла Михайловскаго отъ Юзова. И даже В. В., который во всякомъ случаѣ, былъ не Юзову чета, представляла собою далеко не тождественное теченіе мысли съ тѣмъ, яркимъ выразителемъ котораго былъ Н. К. Михайловскій. Последнему въ особенности былъ совершенно чуждъ тотъ узкій практицизмъ и та идеализація деревенскихъ „устоевъ“, которыми грѣшили многіе тогдашніе „народники“.

„Мы привыкли — писалъ Михайловскій — хватать крестьянскимъ земельнымъ надѣломъ и крестьянской общиной, которые, дескать, прочно гарантируютъ намъ въ будущемъ безоблачное лазурное небо, тогда какъ Западная Европа будетъ все больше и больше изнывать подъ тяжестью своихъ неправильныхъ поземельныхъ отношеній... Правда, есть у насъ не мало людей, которые, хотя и ничего не видятъ дальше своего носа, но въ предѣлахъ этого кругозора отлично знаютъ, гдѣ зимуютъ раки: эти люди когда то яростно шипѣли противъ крестьянскаго землевладѣнія вообще и общиннаго въ особенности, но нынѣ начинаютъ приспособляться къ наличнымъ порядкамъ, извлекаютъ и изъ нихъ не малые выгоды... Однако, съ ихъ точки зрѣнія, было бы все

такъ лучше, если бы чужикъ не на землѣ сидѣлъ, а въ воздухѣ висѣлъ, ожидая нанимателей. Эти, конечно, не хвастаются и не величаются передъ Западной Европой. Большинство же образованныхъ русскихъ людей, не теплое и не холодное, не особенно на рыбу похожее, но и мяса не напоминающее, чрезвычайно склонно болтать, въ минуты душевнаго размягченія, о предстоящей намъ тиши, глади и божьей благодати, благодаря нашимъ земельнымъ порядкамъ...“ Подобное же маниловское отношеніе находилъ Михайловскій и къ „артельнымъ начинаніямъ“. Разныя бывають артели, и артель, какъ форма соединенія нѣсколькихъ, хотя бы и мелкихъ „хозяйчиковъ“, артель, вырождающаяся въ маленькую акціонерную компанію, артель, скрывающая замаскированное владычество пары кулаковъ надъ группой рабочихъ-кустарей, и даже артель, не дающая ничего иного, кромѣ нѣсколькихъ лишнихъ пятаковъ нѣсколькимъ ремесленникамъ — была для Михайловскаго *quantité négligable*. А потому и преклоненіе передъ ней наивныхъ народолюбцевъ съ одной стороны, и боязнь ея въ соединеніи съ репрессивными мѣрами властей — съ другой, представлялись ему ядами чистаго недоразумѣнія. „Артель не есть „жупель“ и, вообще, не такое слово, котораго надо бы ужасаться, но приходитъ отъ него въ трепетъ восторга тоже не особенно благодарному...“ „Съ точки зрѣнія общихъ принциповъ эта артель такіе вздорные пустяки, насильственному превращенію которыхъ можно сугубо изумляться, но дѣлать ихъ, какъ нѣчто серьезное, рѣшительно невозможно“ (1881 г.).

Года черезъ полтора-два онъ вновь возвращается къ этой темѣ, и, по поводу первыхъ изслѣдованій о „судьбахъ капитализма въ Россіи“ г. В. В., намѣчаетъ три главныхъ — возможныхъ или существующихъ — теченія въ этомъ вопросѣ. Одно изъ этихъ трехъ мнѣній — это то, что для насъ неизбеженъ и желателенъ путь развитія капитализма, который и нуждается въ своихъ Іоаннахъ Предтечахъ, пріуготовляющихъ ему безпрепятственное шествіе и разрушающихъ всѣ препоны. Другое мнѣніе — это то, что „Европа намъ не указъ, ибо въ нѣкоторыхъ, изстарп

сохранившихся у нас учреждений (община, артель), равно как и в глубинѣ самобытнаго русскаго духа, имѣются прочныя гарантіи отъ извѣ европейскихъ экономическихъ порядковъ“. Наконецъ, третье мнѣніе сводится къ тому, что рѣшеніе вопроса о томъ, пойдетъ ли Россія по пути капитализма, насколько пойдетъ, сможетъ ли и когда сможетъ свернуть съ этого пути на новый, болѣе широкій и вольный путь, — всецѣло зависитъ отъ того, когда удастся въ Россіи „пробнымъ камнемъ мѣропріятій, плановъ, словомъ, всей внутренней и внѣшней политики сдѣлать интересы непосредственныхъ производителей, представителей труда“.

Первое изъ этихъ направленій пишетъ на своемъ знамени заветы вульгарной буржуазной политической экономіи; но, нище теоретически, оно опирается на „многіе политически сильныя элементы, которые прямо или косвенно играютъ важную роль въ ходѣ нашихъ дѣлъ“; второе — ничтожно и теоретически, и практически; „пережевываемые его занимаются славянофильскіе и славянофильствующие люди, оставаясь въ туманѣ ни къ чему не обязывающихъ общихъ мѣстъ“ и часто провозя подъ ихъ прикрытіемъ самую подлинную буржуазную контрабанду, которой не замѣчаютъ иные наивные мангильво-народолюбцы. Наконецъ, третье теченіе, въ легальной печати представленное „Отечественными Записками“, „осуждено пока играть роль гласа, вопіющаго въ пустынь“, ибо разумѣтся, современные „политически сильныя элементы его не раздѣляютъ...“

Что касается г. В. В., то отъ сѣ самого начала не могъ вполнѣ примкнуть ни къ одному изъ этихъ теченій, какъ „беззаконная комета въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ“. Открывъ, въ началѣ 80-хъ г.г., свои страницы этому писателю, редакция „Отечественныхъ Записокъ“ устами Михайловскаго оговаривалась, что „никогда не брала на себя отвѣтственности за всѣ мысли г. В. В. въ ихъ полномъ объемѣ“ (1883 г.) Въ чемъ же было сходство и въ чемъ различіе? Съ направленіемъ „Отечественныхъ Записокъ“ В. В. сходился въ конечной дѣли — „великой, одушевляющей перспективѣ“ — „плановѣрной охраны того, что такъ непреоборимо могуче своей внутренней силой и такъ

жалко-безпомощно вследствие отсутствія организаціи — человѣческаго труда“ (1881 г.) Но въ вопросѣ о путяхъ къ этому В. В. отличался отъ „Отеч. Зап.“, и отличие это опредѣлялось „его убѣжденіемъ въ невозможности для Россіи капиталистическаго строя на Европейскій манеръ“. Напротивъ, Михайловскій и „Отеч. Зап.“ находили, что, — если только не восторжествуютъ во время въ Россіи такіе элементы „русской народной правды“, которые, въ своемъ логическомъ развитіи, охватываютъ „весь трудящійся людъ всего міра“, — и если не будутъ „убраны“ со сцены „разныя заслоняющія этотъ предметъ вещи“ — то „Россія подъ тѣмъ или инымъ соусомъ, либеральнымъ или самобытнымъ, *продлаетъ* на себѣ экономическую исторію Европы, причѣмъ другія, дѣйствительно благодѣтельныя стороны Европейской цивилизаціи останутся, можетъ быть, подъ спудомъ благодаря нѣкоторымъ особенностямъ нашего общественнаго строя“. Мы теперь хорошо видимъ, кто былъ правъ въ этомъ спорѣ — Н. К. Михайловскій или В. В. Слова Михайловскаго оказались пророческими. Мы именно стали переживать исторію буржуазныхъ европейскихъ странъ, причѣмъ, — особенно благодаря свойствамъ нашего политическаго режима, благодаря взаимоприспособленію патриархальнаго абсолютизма и новѣйшей буржуазіи, — мы развили у себя самое неблагоприятное соотношеніе между „положительными“ и „отрицательными“ сторонами капитализма...

Взглядъ г. В. В. былъ отмѣченъ нѣкоторыми чертами фаталистическаго оптимизма; Михайловскій указывалъ ему на то, что даже изъ его собственныхъ изслѣдованій вытекаютъ нѣкоторые гораздо болѣе пессимистическіе выводы, а именно: что вся хищническая, разрушительная работа капитализма въ Россіи возможна въ своемъ полномъ объемѣ; что у насъ „возможно въ обширныхъ размѣрахъ, и уже практикуется, во первыхъ — отлученіе производителей отъ силъ природы и орудій производства, каковое отлученіе есть неизбѣжный спутникъ и даже фундаментъ капиталистическаго строя“, „возможно то, что казалось невозможнымъ — законченныя формы капитализма“ въ дѣломъ рядѣ отдѣль-

вых отраслей производства; а, стала быть, даже съ точки зрѣнія положеній, признаваемыхъ самимъ В. В., невозможность развитія капитализма въ Россіи „далеко не абсолютная, и, можетъ быть, даже не совѣтъ правильно называть ее невозможностью“. Ибо чего же, собственно говоря, „не можетъ“ русскій капитализмъ? Охватить и „обобществить“ все производство страны? Но гдѣ же, въ какихъ странахъ мы фактически находимъ такой идеальный, абсолютный капитализмъ? „Капиталистическій строй въ Европѣ не такъ ужъ господствуетъ, какъ обыкновенно думаютъ, а у насъ не такъ ужъ отсутствуетъ, чтобы даже для отдаленнаго будущаго можно было противопоставлять наши экономическіе порядки европейскимъ.“

Въ дальнѣйшемъ, разногласія Н. К. Михайловскаго съ В. В. не только не смягчились, но обострились. Съизвивъ своей кругозоръ, В. В. сталъ твердить, что въ области земледѣлія „еще до сихъ поръ не рѣшенъ вопросъ, крупное батрачское или мелкое самостоятельное производство выгоднѣе для страны“. Михайловскій отвергалъ эту дилемму и, въ согласіи съ Николаемъ-ономъ, противопоставлялъ ей положеніе, что „обѣ эти формы должны уступить мѣсто третьей — крупному самостоятельному хозяйству“ (т. е. коллективному). В. В., подобно Юзову, усвоилъ себѣ какое то, характерное для этой разновидности народничества, пренебреженіе къ интеллигенціи и ея „учительской“ роли, а также къ политически-освободительнымъ ея стремленіямъ, какъ къ чему то „буржуазному“. На этой почвѣ произошелъ окончательный разрывъ и выступленіе Михайловскаго (въ 1893 г.) противъ этихъ „народниковъ“, которые, по его словамъ, не успѣвъ сколько нибудь свести концовъ съ концами въ своихъ взглядахъ, „между тѣмъ успѣли уже обнаружить противорѣчіе этихъ взглядовъ съ настоятельнѣйшимъ требованіемъ нашей жизни; требованіемъ столь настоятельнымъ, что безъ его удовлетворенія всѣ добрыя намѣренія самихъ народниковъ должны распылиться въ мірѣ прекрасныхъ словъ и мечтаній“. Кто не понималъ, что борьба за политическое освобожденіе Россіи отъ самодержавія должна быть поставлена на первую очередь, не можетъ быть от-

ложена ни на одинъ день — тотъ безповоротко отрѣзалъ себя отъ жизни.

V

Мы потому такъ долго остановились на этой сторонѣ воззрѣній Н. К. Михайловскаго, что она мало извѣстна значительной части русской революціонной молодежи, и совершенно неизвѣстна тѣмъ, кто знакомился съ эпохой революціоннаго народничества и народолюбства по трудамъ г. Плеханова и его подражателей. вмѣстѣ съ тѣмъ, только выяснивъ себѣ эту сторону воззрѣній Н. К. Михайловскаго, можно понять, почему открытіе русскими марксистами Америки — развитія въ Россіи капитализма — не внушало Михайловскому особаго почтенія къ новѣйшимъ россійскимъ Колумбамъ, и почему ликованія этихъ послѣднихъ по случаю ихъ великаго открытія оны раздѣлять не могъ. Въ то время, какъ марксистская литература была переполнена шумными колокольнымъ нерезвономъ, возвѣщавшимъ мощь капитализма и его „торжественное шествіе по языкамъ“, Н. К. Михайловскій пытался выпить на ихъ годовы ушатъ холодной воды. — Со всѣмъ пыломъ неопитовъ представители марксизма доказывали, что, вопреки всякимъ литературнымъ старовѣрамъ — „капиталъ идетъ!“ Н. К. Михайловскій долженъ былъ попытаться — и дѣйствительно попытаться — разъяснить, что вопросъ совѣтъ не въ этомъ; что разногласія съ марксистами могутъ возникнуть и дѣйствительно возникаютъ совершенно въ иной плоскости.

„Капиталъ идетъ“ — писалъ онъ въ 1897 г. — „это несомнѣнно, но *вопросъ въ томъ, какъ его встрѣтить*“.

Одни отвѣчали на это: „пойдемъ на выучку къ капитализму“. Эта формула, данная когда то П. Струве, теперь облеклась въ плоть и кровь въ видѣ аграрной программы „Исеры“, въ видѣ комментарія къ ней Ленина: „мы требуемъ введенія деревни въ условия жизни, свойственныя буржуазному обществу“.

Такою встрѣчу шествующаго капитала Н. К. Михайловскій отвергалъ рѣшительно и безусловно. И онъ пред-

видѣлъ, что проэкты такой встрѣчи въ лагерѣ русскихъ марксистовъ, или, лучше сказать, нео-марксистовъ возникнуть неминуемо, какъ неизбежный результатъ приложенія нѣкоторыхъ догмъ марксизма къ особенностямъ условий жизни Россіи.

Процессъ хозяйственнаго развитія, когда онъ совершается въ буржуазно-капиталистическихъ формахъ, имѣетъ „двойственный, противурѣчивый характеръ“. Онъ имѣетъ свою десницу и свой шуйцу, одновременно проявляя и творческое, и разлагающее вліяніе. То и другое совершается и въ объективной социальной дѣйствительности, и въ ея оборотной сторонѣ — въ общественной психологии. Въ новѣйшей исторіи Европы капитализмъ разрушалъ всевозможныя общественныя узы; „разложеніе происходило и въ самой жизни, фактически, и въ сферѣ критической мысли. Рядомъ съ этимъ шла и положительная творческая работа, создававшая или пытавшаяся создавать новыя формы общенія взаимѣмъ разлагавшихся. Но она до сихъ поръ далеко отставала отъ работы отрицательной, какъ въ своей напряженности, такъ и въ значеніи и прочности своихъ результатовъ“. (1894 г.). Догма же марксизма всегда грѣшила переоцѣнкой положительной, творческой стороны современнаго хозяйственнаго развитія и, наоборотъ, недооцѣнкой его отрицательныхъ, темныхъ сторонъ. Марксъ, выступая съ своей доктриной, былъ глубоко убежденъ, „что эпоха промышленнаго кулачаго права уже близка къ своему концу, что страданія, ею вызванныя и созданныя, почти исчерпаны, а положительная ея сторона, обобществленіе труда, достаточно созрѣла“. (1892 г.) На доктринѣ лежала, такимъ образомъ, печать „самоувереннаго оптимизма“, что и неудивительно, ибо зародилась она „въ сороковыхъ годахъ, — въ эпоху разнообразныхъ радужныхъ мечтаній, когда такъ многимъ и съ такъ различныхъ точекъ зрѣнія „на землѣ миръ и въ чело-вѣчѣхъ благоволеніе“ казались дѣломъ завтрашняго дня“. (1894 г.).

Но прошли времена — суровая дѣйствительность показала, что капитализмъ далеко не влечется такъ стремительно и такъ предупредительно къ своему собственному историческо-

му самоубійству, какъ это раньше казалось многимъ сильнѣйшимъ умамъ социалистическаго лагеря. Мечте всего оказался онъ похожимъ на сказочнаго пеликана, разрывающаго собственную грудь, чтобы вскормить своего историческаго наследника. Напротивъ, капитализмъ оказался чрезвычайно гибкимъ, упорнымъ въ борьбѣ за свое существованіе, способнымъ приспособляться къ новымъ условиямъ и приспособлять, подчинять себѣ новыя, создаваемые имъ условия. Онъ ухитрился зарыть, съ одной стороны, многіе элементы созданнаго имъ рабочаго класса своимъ буржуазнымъ духомъ, преобразовать ихъ въ своеобразную „рабочую аристократію“. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно вспомнить умѣренный и аккуратный, мѣщанскій благообразный trades-unionизмъ въ Англіи, независимцевъ въ Россіи, „бѣлые блузы“ и „желтые синдикаты“ во Франціи, клерикальные рабочіе союзы въ Германіи и другихъ странахъ, всевозможные виды социалистическаго оппортунизма, таготеющаго къ мирному и дружелюбному „сотрудничеству“ съ буржуазными элементами. Въ классической странѣ компромиссовъ, Англіи, особенно часто черпаются разными Шульце-Гевверницами факты, устанавливающіе теоретически „солидарность интересовъ капиталиста и рабочихъ“, практически проявляющуюся въ формахъ „взаимныхъ уступокъ и соглашеній при посредствѣ разныхъ комитетовъ и третейскихъ судилицъ“. И поскольку такія теченія находятъ откликъ въ рабочей средѣ, они свѣдѣтельствуютъ о буржуазномъ грѣхонадеши нѣкоторыхъ слоевъ рабочаго класса, ибо для Михайловскаго было несомнѣнно, что въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ условий мѣста и времени „интересы капиталиста и рабочихъ могутъ расходиться больше или меньше, но никогда не сольются, или, что то же, сольются лишь тогда, когда сольются сами функціи капитала и труда“ (1892 г.), т. е. при социалистическомъ строе, когда они растворятся въ обществѣ съ безклассовой структурой.

Марксизмъ на первый планъ выдвигалъ то „общественленіе труда“, которое совершается подъ желѣзнымъ главенствомъ капитала. Нечего и говорить, что всякое развитіе коллективныхъ формъ труда, тѣсно связанное съ ростомъ

техники, должно оказывать сближающее, объединяющее влияние. Но нужно различать самый процесс развития производительности и коллективности труда от той буржуазно-капиталистической оболочки, в которую он втиснут в современном обществе. Эта оболочка и уродует процесс „обобществления“, дѣлает его неполным, одностронним, часто вырывает из него „душу живу“ и дѣлая „обобществление“ изъ органическаго и живого — механическимъ и вѣшнымъ. Въ сущности, „общественная форма труда“ при господствѣ капитализма сводится къ тому, что „нѣсколько сотъ или тысячъ рабочихъ точатъ, вертятъ, накладываютъ, подкладываютъ, тянутъ, бьютъ и совершаютъ еще множество другихъ операций въ одномъ помѣщеніи. Общій же характеръ этого режима прекрасно выражается поговоркой: каждый за себя, а ужъ Богъ за всѣхъ“ (1883 г.) Узкій профессиональный эгоизмъ trades-unionовъ до известной степени самъ былъ проникнуть этимъ лозунгомъ буржуазнаго міра.

Итакъ, то, что называется обычно „положительными сторонами капитализма“ суть не положительные стороны капитализма, такъ такового, а положительные стороны тѣхъ коллективныхъ формъ труда, которыя оказываютъ известное влияние даже *несмотря* на искажающую ихъ буржуазно-капиталистическую оболочку. Самъ же капитализмъ „если и имѣетъ какую нибудь общественно-историческую задачу или миссію, такъ развѣ только отрицательную“. (1883 г.) Онъ создаетъ протестъ противъ себя, онъ возбуждаетъ рабочихъ поднять знамя возстанія; „ало дѣлается источникомъ блага“, говорятъ діалектики, забывая, что здѣсь капитализмъ въ томъ же самомъ смыслѣ „создаетъ“ благо, въ какомъ лихорадка „создаетъ“ хининъ, а чума — противочумную сыворотку. Пить за это двусмысленные гимны чумѣ и лихорадкѣ не приходится: брать на себя роль сотрудниковъ при „введеніи деревни въ условія жизни, свойственныя буржуазному обществу“ — точно также.

Не надо также забывать, что высокая степень солидарности и сознательности западно-европейскихъ рабочихъ если не воля, (какъ это, быть можетъ, иногда казалось

Михайловскому), то въ значительной мѣрѣ объяснялась „не непосредственно условиями труда въ фабричныхъ котлѣ, а развитіемъ просвѣщенія и политической жизни“, надъ которымъ не вездѣ и далеко не въ равной степени трудилась буржуазія, либерализмъ которой при известныхъ условіяхъ легко „диалектически превращается“ въ свою собственную противоположность.

Кромѣ того, нужно отмѣтить еще и слѣдующее обстоятельство. Капитализмъ, конечно, возбуждаетъ въ громадныхъ размѣрахъ протестъ противъ себя. Но какъ апологеты капитализма охотно приписываютъ капитализму, какъ такому, всѣ положительные стороны, свойственныя общественнымъ формамъ труда независимо и несмотря на капиталистическую форму — такъ и жертвы капитализма часто выдаютъ въ такую же ошибку, только дѣлаютъ ее въ обратную сторону. Все зло, всѣ бѣдствія, связанныя съ подневольной, капиталистической оболочкой обобществленія, они ставятъ въ счетъ самому обобществленію. Личность здѣсь безусловно противопоставляетъ себя обществу, поднимаетъ бунтъ противъ него. „Усталая отъ неудачныхъ экспериментовъ, разочарованная и окончательно осиротѣлая и, въ сиротствѣ своемъ, ничѣмъ не дорожащая и нетерпѣливая мысль хочетъ, подобно Раскольникову, „взять просто-на просто все за хвостъ и къ чорту“. Это пороженіе полного сиротства личности, полной ея общественной безпріятности и есть практической, воинствующій анархизмъ“ (1894 г.). Сюда же относятся всѣ тѣ утрированно-индивидуалистическія теоріи, которыя, какъ теорія Макса Штирнера и отчасти Ницше, „возстаютъ противъ всякаго общества во имя личности, во имя даже просто своего я“, и являются философскимъ выраженіемъ „всего цивилизаціей неприспособленнаго, оскорбленнаго, озлобленнаго, всѣхъ сиротъ и отбросовъ — чадала“ (индійская низшая каста, соответствующая нашему люмпенпролетариату). Сюда же нужно отнести и то „босачество“, которое выступаетъ въ сочиненіяхъ Горькаго яркимъ и рѣзкимъ протестомъ противъ всего, „приспособленнаго“ и нашедшаго свою колею въ современной жизни. Вообще, многочисленны и разнообразны типы этихъ „сиротъ

людей, осужденных разными обстоятельствами на нравственное одиночество и сопряженные с ним невзгоды, и дошедших, благодаря этому, до полного отрицания всяких форм общности, реальных и идеальных, и всяких нравственных обязательств". Эта среда есть среда "необобщественных и озлобленных", в рядах которых "в изобилии взгляда найдутся люди, доведенные капиталистическим строем до одиночя, до полного презрѣнія къ своей и чужой жизни и нерасположенные, подобно германской социалдемократіи, степенно готовить послѣднюю ступень гегелевской трихотоміи". И, наконецъ, въ самомъ низу, "на днѣ" этой среды мы найдемъ тѣ очаги видеты и преступленій, которые кишатъ "живыми трунами съ остервенѣлыми лицами", которые не особенно-то "подготовлены" капиталистическимъ чистилищемъ къ социалистическому элззіуму...

Да, радужный оптимизм Маркса эпохи „Коммунистическаго манифеста“, основанный на вѣрѣ въ творческую мощь капитализма, не достаточно принималъ въ расчетъ оборотную сторону медали. А чѣмъ дальше, тѣмъ больше давала себя чувствовать эта оборотная сторона. И уже въ первомъ томѣ своего великаго изслѣдованія, констатируя, что у капитала „изо всѣхъ поръ сочится кровь и грязь“, Марксъ говорилъ, что капиталъ „успѣлъ уже съ странною быстротою глубоко подкопаться подъ народную силу и схватить ее за самый ея жизненный корень“, не останавливаясь никакими „соображеніями о грядущемъ вырожденіи человечества“. И останавливаясь на этихъ соображеніяхъ Маркса, Михайловскій спрашивалъ, — вездѣ ли и всегда ли творческая роль капитала, какъ такового, въ его чисто стихійномъ развитіи, превѣшиваетъ его разрушающую роль? Говорятъ, что капиталъ, и только капиталъ, подготовляетъ людей къ „воспріятію будущаго блаженства“ въ социалистическомъ строѣ; но, перегибая палку въ противоположную сторону, можно спросить: „куда же дѣнется наследственно испорченная кровь негоднѣе газетчиковъ и финансовыхъ тузовъ, эксплуатирующихъ великіи бѣдствія ради наживы?“ Какой плодъ дадутъ „тѣ, выросшіе на почвѣ капитализма кроваво-красные

и ядовитые прѣты звѣрства и грабежа, которые такъ пышно цвѣтутъ въ настоящую минуту въ Китаѣ и южной Африкѣ и которые не компенсируются, конечно... безсильными словесными протестами противъ этой озвѣрлости“? „И къ новой ли, высшей расѣ, блистающей красотой, умомъ, силой, здоровьемъ идемъ мы, видя вокругъ себя все больше преждевременно старѣющихся, плѣшивѣющихъ, беззубыхъ, близорукихъ, небратянистовъ, алкоголиковъ и еще всякаго рода „вырождающихся“?“

Значитъ ли все это, что отъ оптимизма намъ надо перейти къ пессимизму? Нисколько не значитъ. Живая человѣческая индивидуальность, накопившая въ теченіи вѣковъ массу потенциальной психической энергіи, развиваетъ большую силу сопротивленія „подкапывающимся подъ человѣческую расу“ влияніямъ. Пусть данный общественный укладъ, въ процессѣ своего чисто стихійнаго, генетическаго развитія, иногда развиваетъ разрушающія силы сильнѣе созидающихъ. Этотъ дефицитъ можетъ быть пополненъ (а тѣмъ паче избытокъ положительныхъ силъ можетъ быть приращенъ) дѣйствіемъ такихъ теченій въ сторону социальной солидарности, которыя существуютъ помимо капитализма или возникли до него. Самъ Марксъ указывалъ, между прочимъ, на то, что часто „вырожденіе промышленнаго населенія замедляется только постояннымъ притокомъ въ его среду и постояннымъ поглощеніемъ, такъ сказать, дико растущихъ жизненныхъ элементовъ селъ и деревень“. Но не только въ физиологическомъ, а и въ социальномъ смыслѣ мы находимъ въ „селахъ и деревняхъ“ такіе „дико растущіе жизненные элементы“. Ихъ охрана, ихъ защита, ихъ развитіе не есть „роковая ошибка и безполезное безуміе“ — совершенно напротивъ. Крестьянинъ, говорящій своей сивкѣ, запряженной въ соху, „я самъ-другъ съ тобою, слуга и хозяинъ“ также, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ представлять опору для борьбы съ общественнымъ укладомъ, „изо всѣхъ поръ котораго сочится кровь и грязь“. Всѣ теченія въ направленіи къ общественной солидарности — трудовое начало въ правовыхъ возрѣніяхъ крестьянства, общинные и артельные навыки, взглядъ на землю, какъ на общее до-

стояние трудящихся — должны быть использованы, логически развиты и продолжены дальше. Поскольку капитал вторгается в села и деревни, он вмѣстѣ съ государством легко превращает трудовое крестьянство въ своего данника, даже не превращая его въ капиталистически обобществленный пролетариатъ. Формально оставаясь „слугою и хозяиномъ“ вмѣстѣ, фактически крестьянинъ является подневольнымъ слугою и буржуазіи, и государства. Поэтому онъ и пролетаріи — естественные союзники и одинаково имѣють право на охрану ихъ общихъ трудовыхъ интересовъ социалистической партіей. Этого равенства и не признавалъ марксизмъ. Видѣть, любить, защищать въ крестьянинѣ марксизмъ соглашался не „ближняго своего“, а „дальняго“, т. е. будущего пролетарія. Крестьянинъ же, какъ таковой, былъ въ глазахъ марксизма отживающей реакціонной силой. То положительное отношеніе къ русской крестьянской общинѣ, которое неоднократно высказывалъ Марксъ, русскимъ марксистамъ было всегда чуждо, и этотъ пунктъ въ міросозерцаніи учителя они всегда должны были какъ-нибудь обходить — съ великими трудностями и диалектическими ухищреніями. Михайловскій увѣщевалъ ихъ стать на другую точку зрѣнія, понять, что не только есть и свѣта, что въ окошкѣ, не только есть и живыхъ социальныхъ силъ, что было угодно создать г. Капиталу. Отсюда слѣдовалъ и первостепенной важности практической выводъ: не выставлять трудового крестьянина и пролетарія естественными антагонистами, „не сшибать лбами двухъ разрядовъ людей, жизнь которыхъ, въ разномъ родѣ, но одинаково темна и скудна“, ибо оба эти разряда суть, по существу дѣла, лишь разновидности одного и того же типа, „подлиннаго рабочаго челоуѣка, — гдѣ бы онъ ни работалъ, въ деревнѣ ли, въ городѣ ли“, и въ какихъ бы ни въишности различныхъ формахъ ни доставлялъ онъ царству привилегированныхъ и инушихъ свой кровавый, неоплаченный трудъ.

Мы уже видѣли, какъ рѣшительно противился всегда Михайловскій идеализации мужика, общины, артели и т. п. Онъ самъ работалъ надъ разрушеніемъ всякихъ иллюзій въ этомъ направленіи, ибо онъ былъ глубоко убежденъ, что за каж-

дую такую иллюзію приходится расплачиваться напраснымъ разочарованіемъ. Но въ основѣ возрѣвшаго революціоннаго поколѣнія 70-хъ гг. на мужика онъ видѣлъ вѣрное зерно. „Если поколѣніе“ — говорилъ онъ — „...мучившееся надъ сложными вопросами деревенской жизни, приняло много напраснаго горя, то горе — хотя и иное — и тому поколѣнію, которое воспитается на презрительномъ отношеніи къ „идіотизму деревенской жизни“... (1897 г.).

Не дѣликомъ все прошлое движеніе хотѣлъ онъ реабилитировать. Вѣдь это движеніе само не было единымъ, само распадалось на далеко не однородныя развѣтвленія. „Кто видѣлъ въ мужикѣ великую историческую силу активную, грозную, буйную, мало обращающую вниманія на нравственные начала, добродѣтели; кто, напротивъ, дѣлилъ именно „добродѣтели“, выкованныя известными общественными формами трудовой жизни; кто видѣлъ, что великія силы лежатъ въ народѣ въ зародышѣ, подавленномъ вѣковыми неблагоприятными условіями; а кто утверждалъ, что онъ — великая и благая сила сейчасъ, какъ онъ есть; кто разумѣлъ подъ народомъ исключительно „мужика“, а кто — всю совокупность людей труда“. (1899 г.). Онъ вспоминаетъ и „преувеличенныя надежды на народную восприимчивость — и разочарованія, которыя затѣмъ послѣдовали“. Все это было. „Неумудрено, что на первыхъ порахъ люди впадали въ частыя ошибки, предавались неосознаннымъ надеждамъ и т. п. ... Все это были частности... Зерно же тогдашнихъ идей жизнеспособно и доселѣ, и будетъ жизнеспособно еще многие и многие годы“. (1897 г.). И вотъ почему онъ противился призыву многихъ марксистовъ „отказаться отъ наследства“ 70-хъ гг., хотя онъ былъ далекъ и отъ призыва бы идолопоклонство передъ нимъ. „Я отнюдь не считаю наследіе это неприкосновеннымъ, напротивъ, оно подлежитъ приращенію, обогащенію, какъ данными научнаго движенія, такъ и данными житейскаго опыта, для чего оно обладаетъ достаточной широтой и гибкостью“ (1897 г.).

Поколѣніе, на первыхъ порахъ воспринявшее марксизмъ, было поколѣніе усталое. Страшнымъ гнетомъ давило его разочарованіе въ мужикѣ и разочарованіе въ окончившемся

пораженіемъ смѣломъ поединкѣ Народной Воли съ правительствомъ. Размахъ революціонной борьбы долженъ былъ съузиться. Періодъ марксистской „кружковщины“, періодъ „агитаціи“ и „экономизма“, умѣренного и аккуратнаго — вотъ что пришло „на сѣнѣ“ старому революціонному поколѣнію. „За приливомъ энергіи въ 60-хъ и 70-хъ гг. наступилъ воплѣтъ объясняемый обстоятельствами отличья ея, и понадобился „отказъ отъ наслѣдства“ и какой нибудь успокаивающей, примиряющей съ дѣйствительностью лозунгъ. Не одинъ такой лозунгъ и былъ предложенъ, но окончательно укрѣпился лозунгъ марксизма“. Для этого онъ оказался особенно приспособленнымъ. Въ эпоху разочарованій и пониженія уровня общественной энергіи, онъ пришелъ на незанятое, опустѣлое отъ жизни мѣсто: старое революціонное поколѣніе было изгнано изъ жизни... Опустѣлыя позиціи были заняты пришельцами, явившимися, не какъ соратники, поднимающіе вновь только что выбитое изъ рукъ погибшихъ товарищей знамя, — а какъ противники, водружающіе новое знамя и сдвигшіе въ архивъ старое. Въ образовавшуюся пустоту вторгается новое теоретическое теченіе: „ясно, прочно, логично, въ четверть часа можно цѣлую философію исторіи усвоить съ гарантированной научностью. Притомъ для всѣхъ удобно: кто не хочетъ думать, для того уже все удуmano, все разжевано и все въ ротъ положено, остается только проглотить; кто не хочетъ ничего дѣлать, по какой бы то ни было причинѣ, за того историческая необходимость все сдѣлаетъ; кто хочетъ воплѣтъ безошибочнаго, не допускающаго разочарованій дѣла — того удостовѣряютъ, что теперь всякимъ утопіямъ конецъ пришелъ; кого смущаютъ „бѣдность и несовершенство жизни“, тотъ узнаетъ, что все это на пользу человѣчества и даже именно народа, того самаго, который нищенствуетъ и голодаетъ; кому нужно непременно новое слово — вотъ оно, еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ сказано“... (1894 г.).

Да, все это было естественно, — конечно, какъ явленіе временное, преходящее. Должны были воскреснуть и болѣе активныя формы борьбы, и стремленіе опереться на мужика. Въ спорѣ противъ гг. Струве и Бердяева, Михайловскій и

предсказалъ это. „Г. Бердяевъ вспоминаетъ, что я еще въ 1878 г. предсказалъ появленіе „учениковъ“, которыхъ тогда еще и въ поминѣ не было. Поощряемый этой удачей, беру на себя сдѣлать и другое предсказаніе: въ непродолжительномъ времени (и, надѣюсь, до моей настоящей смерти) иденъ 70-хъ годовъ вновь объединять значительную, и, конечно, не худшую часть русскаго общества, — разумѣется, не въ буквальномъ своемъ повтореніи, а со всѣми тѣми поправками, которыхъ требуетъ пережитый съ тѣхъ поръ опытъ“ (январь 1901 г.).

Обылось и это предсказаніе Н. К. Михайловскаго. Несмотря на неожиданную, скоростижную кончину, онъ дожилъ до того времени, когда одновременно возродились два элемента прежняго движенія. Крестьянское движеніе и социальна-революціонная пропаганда въ деревнѣ — съ одной стороны, первые, еще разрозненные случаи перехода къ боевой, наступательной тактикѣ, къ борьбѣ съ оружіемъ въ рукахъ — съ другой, — положили основаніе движенію, воспринявшему лучшія революціонныя традиціи нашего славнаго историческаго прошлаго, „со всѣми тѣми поправками, которыхъ требуетъ пережитый съ тѣхъ поръ опытъ“. И тѣ, кого считали „последними могицанами“ старой эпохи, почувствовали, что у нихъ есть мѣсто въ жизни. Старое боевое поколѣніе и молодое, выросшее въ атмосферѣ бурнаго разлива массоваго движенія — подали другъ другу руки черезъ голову средняго поколѣнія, возросшаго въ эпоху безвременья и частью поддававшагося ея подавляющему и разслабляющему вліянію...

Идеиныя представители этого „средняго“ поколѣнія давно уже заживо похоронили и „последнихъ могицанъ“, и выражаемое ими направленіе. Но отъ лица ихъ Н. К. Михайловскій отвѣчалъ страстной дирческой отвѣдкой, которою, пожалуй, и будетъ умѣстно заключить настоящій, и безъ того не въ мѣру расянувшійся очеркъ:

„Изъ всѣхъ видовъ смерти самымъ ужаснымъ всегда казалось мнѣ быть заживо погребеннымъ, умереть уже въ гробу, заколоченномъ гвоздями гробу, подъ толстымъ слоемъ земли, и я часто просилъ своихъ друзей какимъ нибудь

хотя бы самым жестоким способом убедиться, что я действительно умру. А! всё мы там будем, въ заколоченномъ гвоздями гробу, подъ толстымъ слоємъ земли, но почувствовать себя заживо погребеннымъ и хотя бы самое короткое время тщетно биться и задыхаться, и ни для кого не слышно кричать, и съ отчаяніемъ и злобой кусать себѣ руки и рвать ногтями — какой ужасъ!“

Такъ и современный марксизмъ хоронитъ „меня, а выѣстъ съ тѣмъ и то направленіе, которому я „служилъ“ (въ промедшемъ времени!), и ему уже видится, какъ „новая мысль строить на его развалинахъ свой храмъ“; онъ „заживо заколачиваетъ меня въ гробъ, покрытый позолотой и блестящимъ покрываломъ „историческаго значенія“. Хороша эта позолота, роскошенъ этотъ покровъ, завидна вся эта помпа историческаго значенія, гарантирующая человѣку „вѣчную славу“... когда человѣкъ действительно умретъ; но я согласенъ и на гораздо болѣе бѣдныя похороны... когда действительно умру...“

Но о томъ, что смерть уже сдѣлала свое дѣло, говорится „съ такой силой убѣжденія, что я начинаю осматривать и ощущивать себя... и, къ величайшему своему удовольствію, прихожу къ заключенію, что я еще живъ, и живъ Богъ мой, жива душа моя; а, пѣа глазами храма, „воздвигнута новая мысль“, замѣчаю именно развалины, — развалины нѣкотораго подобія Вавилонской башни, гордые строители которой разбѣгаются въ разные стороны, потому что Господь Богъ смѣшалъ ихъ языки, такъ что они даже друга не понимаютъ...“

Наша задача кончена. Въ этомъ очеркѣ намъ хотѣлось только возсоздать передъ глазами нашихъ читателей образъ Н. К. Михайловскаго, какъ политическаго мыслителя-борца. Въ писаніяхъ его, особенно писаніяхъ прошлыхъ лѣтъ, облеченныхъ въ „прикровенный“ эзоповскій языкъ легальной литературы, современному читателю, мало знакомому съ прошлымъ, многое можетъ показаться какими то шифрован-

ными записями, ключъ къ которымъ утерянъ, іероглифами, смыслъ которыхъ теменъ. Правда, г. фонъ-Плеве былъ не совсемъ не правъ, когда, призвавши къ себѣ Михайловскаго для какихъ то начальственныхъ назиданій, сказалъ: „зачѣмъ вамъ свобода печати, когда вы и безъ того такой великій мастеръ сказать между строкъ все то, что только захотите?“ Но для этого чтенія между строкъ требовалась, во всякомъ случаѣ, чуткость „читателя-друга“ изъ современниковъ. Что же касается „читателя-недруга“ и, особенно, писателя-недруга, то проклятая необходимость, заставлявшая Н. К. Михайловскаго прибѣгать къ іероглифамъ, не разъ создавала почву для всевозможныхъ перетолкованій и кривотолкованій отдѣльныхъ мѣстъ, выхватываемыхъ изъ общей совокупности его писаній. Не разъ при этомъ Михайловскаго пытались даже выставить тѣмъ, противъ чего онъ всегда боролся: какимъ то не то крохоборомъ-культурникомъ, не то мелкимъ буржуазнымъ реформистомъ, не то законѣлымъ самобытникомъ; не разъ, какъ говорилъ Михайловскій, при этомъ его „самыя, казалось бы, дсныя рѣчи понимались совсемъ наоборотъ“. И находились, порой даже въ изобиліи, люди, которые вѣрили дѣлавшимъ это диллетантамъ или специалистамъ по нерекрашиванію бѣлаго въ черное. И вотъ почему мы должны были попробовать если не „расшифровать“ легальныя писанія Н. К. Михайловскаго (что потребовало бы гораздо больше и времени, и мѣста), то по крайней мѣрѣ, дать ключъ и показать способъ расшифровки на нѣсколькихъ, наиболѣе важныхъ вопросахъ. Въ этомъ, думается намъ, состояла наша первая обязанность передъ памятью покойнаго — обязанность, которой мы не могли не выполнить...

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ. Нижеслѣдующія приложения должны иллюстрировать тотъ параллелизмъ между легальной и нелегальной идеологической боевой поволокни 70—80-хъ годовъ, о которомъ говорится въ статьѣ тов. Ю. Граденина. Мы выбрали какъ разъ тѣ статьи, въ которыхъ ярче всего, и со всѣми точками надъ і, отразилась та теоретическая и практическая программа, которая развивалась, въ борьбѣ «прикровенной» формѣ, въ политико-публицистическомъ отдѣлѣ «Отечественныхъ Записокъ». Мы знаемъ, что многіе нелегальные дѣятели революціи участвовали въ то время подъ разными псевдонимами въ легальныхъ русскихъ журналахъ, и наоборотъ — крупныя легальныя писатели такимъ же образомъ пользовались нелегальнымъ станкомъ. Теперь еще не пришло время для того, чтобы всѣ эти псевдонимы были раскрыты. И идейная связь между тогдашней надпольной и подпольной литературой по необходимости должна иллюстрироваться въ безымянной формѣ.

Нѣсколько словъ о каждомъ изъ перепечатываемыхъ ниже документовъ въ отдѣльности. Три первыхъ документа представляютъ собою борьбу съ предрасудками народничества противъ выставленія борьбы за политическую свободу, какъ самой неотложной и очередной задачи движенія, и противъ политическаго террора, какъ средства политической борьбы.

«Летучій Листокъ» былъ уже однажды перепечатанъ, именно въ № 3 «Былого». Редакція сопровождала его нѣсколькими замѣчаніями съ своей стороны. Изъ подлинникъ эта прокламація — говорится въ редакціонной замѣткѣ — была, если не обманывавшѣ насъ память, озаглавлена «Летучій Листокъ русскихъ конституціоналистовъ». Она появилась въ Петербургѣ въ 1878 г. въ видѣ прибавленія къ газетѣ «Начало», издававшейся въ 1878 г. *). Мы перепечатываемъ «Летучій Листокъ» изъ № 11 «Общаго дѣла».

*) Издавала эту газету группа петербургскихъ литераторовъ, среди которыхъ, между прочимъ, видное мѣсто занималъ сотрудникъ «Отечественныхъ Записокъ» С. Петропавловскій-Кароиниъ.

Вопреки мнѣнію редакціи, краткое названіе «Летучій Листокъ», приведенное въ «Общемъ Дѣлѣ», правильно. Что касается прибавки словъ «русскихъ конституціоналистовъ», то это было ключкою, которую дали новому направленію революціонныя старовѣры, «аполитическіе» народники. Известно, что узурпаторно называли «конституціоналистами» и такихъ пионеровъ политическаго террора, непосредственной борьбы за политическую свободу, какъ Валеріана Осенскаго и его товарищей. Такимъ же точно образомъ молва соединила ключку «конституціоналистскаго» и за «Летучимъ Листкомъ».

Редакція «Былого» сообщала еще слѣдующее. «Эта прокламація принадлежитъ перу очень извѣстнаго русскаго дѣятеля. — Въ 1878 г. идеи автора «Летучаго Листка» шли въ разрѣзъ со взглядами большинства русскихъ революціонеровъ, но они заключали въ себѣ много такого, что потомъ, начиная съ половины 1879 г., было принято партией Народной Воли. Вся важность «Летучаго Листка» будетъ понята тогда, когда возможно будетъ опубликовать обстоятельства, сопровождавшія изданіе этой прокламаціи».

Добавимъ отъ себя, что прокламація эта вышла въ то самое время, когда Михайловскій писалъ въ «Отеч. Зап.» о необходимости и моральномъ правѣ борьбы со зломъ «жестокими, даже террористическими средствами».

«Исполнительный Комитетъ Народной Воли» былъ воплощеніемъ того «тайнаго комитета общественной безопасности», возникновение котораго авторъ «Листка» считалъ и необходимымъ, и философски образнымъ.

«Политическія письма социалиста» (изъ №№ 2 и 3 «Народной Воли») представляютъ собою какъ бы дальнѣйшее логическое продолженіе и обоснованіе идей «Летучаго Листка». Они подписаны псевдонимомъ «Гроньяръ». «Я прошу васъ до времени не публиковать моего имени — писалъ авторъ. — Подписываюсь псевдонимомъ, дорогимъ мнѣ но нѣкоторымъ личнымъ воспоминаніямъ и, можетъ быть, соответствующимъ ворчливому тону моихъ писемъ». Авторъ писемъ пріятствуетъ ту новую струю, которая внесена въ революціонную практику «Народной Волей», находя лишь, что этотъ «выходъ на настоящую дорогу» долженъ былъ совершиться еще раньше. Мастерски освѣщая взаимное отношеніе между самодержавіемъ, бюрократіей, буржуазіей, рабочимъ народомъ и революціонной интеллигенціей, первое письмо ставитъ задачей ближайшей революціи «завоеваніе земли и воли», и сожалѣетъ о томъ, что этотъ девизъ «земля и воля» оставленъ революціонерами. На это послѣднее замѣчаніе редакція «Народной Воли» ото-

звалась слѣдующимъ коротенькимъ примѣчаніемъ: «Въ № 1 нашей газеты мы подробно излагали вѣднія причины, вынудившія насъ съ сожалѣніемъ отказаться отъ названія, которое было и остается нашимъ девизомъ, нашимъ лозунгомъ, какъ выразились мы въ этомъ объясненіи. Уважаемый авторъ, вѣроятно, недостаточно внимательно прочелъ его». Какъ известно, послѣ раскола «Земли и Воли» на двѣ части, обѣ они разошлись мирно и корректно, по опредѣленному соглашенію ликвидировавши общія дѣла; и такъ какъ ни одна изъ расколотившихся частей не согласилась бы уступить другой имя «Земли и Воли», равно дорогое обѣимъ, то и было рѣшено, что обѣ возьмутъ новые партійные девизы».

Второе письмо имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, опроверженіе того толкованія смысла и значенія политическаго террора, который былъ усвоенъ частью наиболее правдивыхъ народниковъ. Прежде всего и болѣе всего боясь отойти отъ «чистаго» социализма, они сводили терроръ къ простой, элементарной самозащитѣ. Они настаивали, что укладываются отъ политической борьбы, и лишь постольку выступаютъ противъ отдѣльныхъ представителей политическаго режима, поскольку вынуждаются къ этому интересами самосохраненія. Такая постановка вопроса о террорѣ сводила бы послѣдній къ мелкой борьбѣ противъ отдѣльныхъ Гейкинговъ и Крапоткиныхъ, тогда какъ на дѣлѣ убиты должны быть не они, а самая идея самодержавія. Такая постановка вопроса о террорѣ открываетъ его отъ массъ и дѣлаетъ его какъ бы «личнымъ дѣломъ» борцовъ революціи, а не политическимъ актомъ, направленнымъ во имя интересовъ народа противъ враждебнаго ему строя и потому противъ лицъ, этотъ строй наиболее полно воплощающихъ. «Гроуверъ» и предлагаетъ революціонерамъ разсматривать террористическую борьбу, какъ особый родъ, методъ политической борьбы — методъ, къ которому могутъ прибѣгать и всякія другія фракціи, вплоть даже до реакціонныхъ, ибо нѣтъ методовъ борьбы, которые бы по самому существу своему были буржуазными или социалистическими. — есть только цѣлесообразные или опредѣленные условія. Безъ этихъ предварительныхъ замѣчаній чтеніе второго письма, написаннаго въ разбросанной полемической формѣ, можетъ повести къ недоразумѣніямъ. Редакція «Народной Воли», напротивъ, въ примѣчаніи оговорила, что ей все таки не вполне ясенъ взглядъ автора на политическія убійства; тогда какъ намъ кажется, напротивъ, этотъ взглядъ вполне яснымъ и опредѣленнымъ, особенно, если его сопоставить съ взглядами, выраженными въ «Летучемъ Листкѣ». Кстати: второе изъ «писемъ социалиста» сопровождалось общаіемъ подробнѣе поговорить на затронутыя въ немъ темы въ слѣдующихъ письмахъ. Ихъ, однако, уже не воспомѣдало. Событія

заставляли писать о другомъ, а вскорѣ сошли со сцены тѣ лица, черезъ которыхъ поддерживались связи съ «Гроуверомъ».

Статья «Лисій хвостъ и волчій ротъ» представляетъ собою блестящее объясненіе первообраза всѣхъ самодержавныхъ «сердечныхъ понеченій» въ видѣ политики Лорисъ-Меликова. Она представляетъ собою документъ первостепенной исторической важности, выясняя страннѣ ту позицію, которую заняла Народная Воля въ этотъ критическій, поворотный моментъ политической жизни Россіи по отношенію къ этому шахматному ходу русскаго самодержавія.

Такимъ же документомъ является и знаменитое «Открытое письмо Исполнительнаго Комитета къ Александру III. «Редакція этого письма поручена была тремъ литераторамъ, изъ которыхъ широкой публикѣ извѣстно имя только одного — нелегальнаго Д. Тихомирова, а потому письмо это и слыветъ въ публикѣ болѣею частью его именемъ «тихомировскаго» письма, — что совершенно невѣрно. Письмо это въ главной своей части принадлежитъ другому лицу, имя котораго пока не подлежитъ оглашенію».

Нѣтъ надобности обосновывать мотивы, по которымъ мы прилагаемъ также «Письмо къ редактору «Отечественныхъ Записокъ», переданное Энгельсомъ для печатанія въ «Вѣстникъ Народной Воли» и въ публикѣ обычно называемое «Письмомъ Маркса къ Михайловскому». Важнымъ дополненіемъ къ нему является письмо Лопатина о его разговорахъ съ Марксомъ и Энгельсомъ, опубликованное съ разрѣшенія Энгельса въ «Материалахъ по исторіи русскаго социальнаго-революціоннаго движенія». Это письмо, къ тому же, содержитъ интересный отзывъ Маркса и Энгельса о «Письмѣ Исполнительнаго Комитета къ Александру III». Необходимо лишь отмѣтить, что, поддерживая «Народную Волю» въ ея борьбѣ противъ «анонимическаго народничества», Марксъ и Энгельсъ перегибали палку въ противоположную сторону, черезчуръ затирая задачи социалистической подготовки рабочихъ массъ передъ задачей непосредственной борьбы противъ русскаго самодержавія.

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕРВОЕ.

ЛЕТУЧИЙ ЛИСТОКЪ

(№ 1 апрѣль 1878 г.)

Бываютъ тревожныя минуты, когда логика событій, не смотря на ихъ кажущуюся беспорядочность и внезапность, съ непреодолимою силою намѣчаетъ ближайшій историческій шагъ, безусловно необходимый для страны.

Мы переживаемъ одну изъ такихъ рѣшительныхъ минутъ.

Для уразумѣнія предстоящей русскому обществу задачи не требуется особенной проникательности. Жизнь, факты говорятъ сами за себя такъ громко, вскрыты ихъ общій принципиальный смыслъ такъ легко, что не остается мѣста никакимъ сомнѣнiямъ и разногласiямъ. Будущее покажетъ, можемъ ли мы надолго остаться единодушны, но относительно перваго шага впередъ — спора быть не можетъ.

31-е марта 1878 г. будетъ навсегда памятнымъ днемъ въ русской исторiи. Въ этотъ день общество, «*избранное общество*», по сознанию «Московскихъ Вѣдомостей», впервые оцѣнило героизмъ молодежи, гибнущей въ тюрьмахъ и на каторгѣ. Оно услышало возмущительныя подробности генеральскаго издѣательства надъ человѣческимъ достоинствомъ, узнало прошлое самой Засуличъ, заглянуло въ ея чистую душу и не только вынесло ей въ лицѣ присяжныхъ юридическое оправданiе, но признало ее воплощенiемъ русской совѣсти и мысли. Кто былъ на судѣ, тотъ знаетъ, что мы не преувеличиваемъ.

Чѣмъ же Засуличъ стала такъ дорога обществу?

Узнавъ о генеральской расправѣ, она ждала суда и возмездiя. Она не могла допустить мысли, чтобы какъ разъ въ то время, когда мы парадирруемъ передъ Европой въ мундирѣ лейбъ-спасителей Болгарiи, русскiй генераль могъ безнаказано совершать турецкiя вѣрства въ столицѣ державы-осво-

бодительницы. Она ждала, не дождалась, и лично на себя взяла возмездiе. «*Тяжело поднимать руку на человѣка*», говорила она на судѣ. Но ей казалось, что это необходимо, что иначе нельзя обратить вниманiе общества на турецкiя вѣрства въ Россiи. Эффектъ даже превзошелъ, вѣроятно, ее ожиданiя.

Мы знали, конечно, и прежде, гдѣ мы живемъ, но на этотъ разъ страшная, позорная истина предстала во всей наготѣ и мы почувствовали, до какой степени безсловесна и безузна наша родина. Наша пресса, умершая и погребенная подъ бременемъ безсудности, славословия освоенiе славянъ и молчала о рабствѣ Россiи. Общественное мнѣнiе тоже не смѣло наказать баши-бузубцаго генерала. И васъ охватили негодованiе и жгучiй стыдъ.

Съ этихъ поръ между правительствомъ и обществомъ открылась пропасть, и въ нынѣшнее же лѣто, отъ оправданiя Засуличъ первое, царствовалъ же императора Александра II двадцать четвертое, фактъ передачи общественныхъ дѣлъ въ общественныя руки долженъ обратиться въ принципъ. Фактъ уже существуетъ и проявляется въ цѣломъ рядѣ дѣянiй, героическихъ или подлыхъ, но по необходимости незаконныхъ.

Безсилное во внѣшнихъ дѣлахъ, готовящееся къ позорному миру, правительство и внутри перестаетъ функционировать. Оно вызываетъ Засуличъ на судъ и расправу надъ генераломъ Треповымъ и безмолвно назначаетъ генерал-губернаторомъ Москвы цехъ мясниковъ и Охотный Рядъ.

Событiя идутъ быстро и всѣ въ одномъ и томъ же направленiи.

Правительство не хочетъ или не можетъ остановить жестокую, наглую дѣятельность кiевскаго товарища-прокурора Котляревскаго, и частныя лица берутся за это дѣло. Правительство не хочетъ или не можетъ предотвратить результаты безумнаго университетскаго суда, и частныя лица совершаютъ казнь надъ Матвѣевымъ. Правительство не можетъ остановить московскую демонстрацiю, и представителями ея являются частныя лица — московскiе мясники. Правительство, несмотря на присутствiе полицiи и войска

не хочет или не может прекратить варварскую бойню, и мясники вторично просят „работы“.

Таким образом, фактически отправление правосудія и охрана гражданъ отъ насилій ускользаетъ изъ рукъ правительства.

Но такое ненормальное положеніе вещей невозможно. Мы не смѣемъ жертвовать тѣми частными лицами, которымъ „*тяжело поднять руку на человека*“, и не можемъ отдаться на жертву мясникамъ, которымъ это легко. Нуженъ выходъ. Его указываетъ самое положеніе вещей.

Само правительство пистинктивно вовлекаетъ въ водоворотъ. „*Правительственный Вѣстникъ*“ перепечатываетъ выходки частной газеты противъ вердикта законаи установленнаго въ имперіи суда. Императоръ дѣлаетъ вышитъ сочувствія генералу Трепову, опозоренному дѣломъ 31 марта, и гласно отдѣляетъ свои личныя симпатіи отъ симпатій общества.

Таковы факты. Разрозненные, беспорядочные, они должны быть возведены въ принципъ.

Принципъ этотъ называется: *конституція, земскій соборъ*.

Тщетно правительство грозитъ репрессаліями, какъ закрытіе высшихъ учебныхъ заведеній, запрещеніе газетъ, приравнваніе жандармскихъ командъ къ военному караулу или законодательное сокращеніе района дѣйствій суда присяжныхъ.

Общественныя дѣла должны быть переданы въ общественныя руки. Если этого не будетъ достигнуто въ формахъ представительнаго иравленія съ выборными отъ русской земли, въ странѣ долженъ возникнуть *тайный комитетъ общественной безопасности*. И тогда горе безумцамъ, становящимся поперекъ путей исторіи!

Безъ того или другаго принципиальнаго объединенія отдѣльныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о безсиліи правительства, обойтись нельзя.

Рѣшительныя минуты создаютъ рѣшительныхъ людей!

ПРИЛОЖЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПИСЬМА СОЦІАЛИСТА.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Привѣтъ вамъ, братья!

Привѣтъ вамъ съ родины Руссо и во имя Руссо, чье широкое сердце умѣло ненавидѣть и политическое, и экономическое рабство, чей широкій умъ охватывалъ и принципъ политической свободы, и принципъ социализма, Земля и Воля.

Жадно и скорбно слѣдилъ я за вѣмъ, что дѣлается въ измученной родной странѣ. Вами я любовался. Но — простите, дѣло прошлое, — подчасъ много укоризны сладъ вамъ мысленно.

Еслибы царь-освободитель Александръ Милостивый, облададагъ юмористическимъ талантомъ ларя-мучителя Ивана Грознаго, онъ разсылалъ бы по монастырямъ синодники не короче тѣхъ, въ которыхъ Ивашъ поминалъ «невинныхъ страдальцевъ». Александръ Милостивый никого на козль не сажаетъ, въ рѣкахъ не топить и собственныхъ царскихъ рукъ не обгаряетъ кровью вѣрноподавшихъ барановъ. Но въ три вѣка бараны переродились. Гдѣ прирожденные холопы XVI-го вѣка, вѣпшіе, сидя на колу, хвалу царю-мучителю? Ихъ нѣтъ даже въ III Отдѣленіи собственной его величества канцеляріи. Гдѣ всеобщая вѣра въ божественный источникъ самодержавной власти? На кончикѣ лѣстиваго языка московскаго митрополита. Ныѣпшіяго русскаго вѣрноподаннаго вельзя посадить на козль или изжарить на сковородѣ. Его можно, съ соблюденіемъ юридическихъ приличій, повѣситъ, сгноить въ центральной тюрьмѣ; безъ всякихъ приличій, сослать въ Мезень или Якутскъ. Но главная разница не въ формѣ гоненія, а въ томъ, какъ ово принимается гонимыми. Булавочный уколъ въ наше время чувствительнѣе раны отъ

железного посоха Ивана Грозного. Покорное благоговѣніе растерялось въ теченіи трехъ вѣковъ; оно замѣнилось озлобленіемъ. Времена Грозного наминаетъ только безстрашіе жертвъ: покорно-безстрашно садится холопъ XVI вѣка на колы, озлобленно-безстрашно идетъ русскій социалистъ въ тюрьму, на каторгу, на висѣлицу. Я даже не ставлю вамъ этого въ большую заслугу. Когда обухъ реакціи виситъ надъ головами всѣхъ и каждому, когда ни одинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ не можетъ поручиться за свой завтрашній день, страхъ пожираетъ самъ себя, и вамъ, закаленнымъ врагамъ правительства, трепетать не приходится. Вы знаете, что замучивъ христіанскаго бога, римскіе жандармы помогли распространенію христіанства. Дѣйствительный статскій совѣтникъ не имѣетъ этого утѣшенія.

Вы не боитесь тюрьмы, каторги, висѣлицы. Но вы боитесь собственной мысли, хотя, кажется, слѣдуетъ употребить прошедшее время: боялись.

Изучая новѣйшую исторію, вы узнали, что Великая Революція не привела Европу въ обѣтованную землю братства, равенства и свободы, что конституціонный режимъ, вручая власть буржуазіи, предоставляетъ ей, подъ покровомъ формальной политической свободы, экономическую власть надъ народомъ. Этотъ горестный результатъ европейской исторіи вселенъ въ васъ недоверіе къ принципу политической свободы. Я, русскій, переболѣвший всѣми русскими болѣзнями и здѣсь, на свободной республиканской почвѣ, во-очію наблюдающій ходъ политической и экономической борьбы, знаю пѣшу вашему недоверію. Да, вы правы. Конституціонный режимъ не рѣшаетъ тяжбу труда съ капиталомъ, не устраняетъ вѣковой несправедливости присвоенія чужого труда, напротивъ, облегчаетъ ея дальнѣйшій ростъ. Но вы глубоко неправы, когда отказываетесь отъ политической борьбы. Изъ живыхъ людей, страстно отдающихся своей идеѣ, вы обращаетесь въ сухихъ доктринеровъ, въ книжниковъ, упрямъ затвердившихъ теоретическій выводъ, которому противорѣчить вся практика.

Вы боитесь конституціоннаго режима въ будущемъ, потому что онъ принесетъ съ собой ненавистное иго буржуазіи.

Отглянитесь: это иго уже лежитъ надъ Россіей въ царствованіе благочестивѣйшаго, самодержавнѣйшаго императора божіей милостью. У русскаго гербовога орла двѣ головы, два жадныхъ клюва. Одинъ рветъ тѣло русскаго народа съ династически-военно-полицейскими пѣтьями, для расширенія и содержанія въ повиновеніи охранки и для сохраненія декорума деспотической власти. Вы не довольно ненавидите этотъ безпощадный, безумный «железный посохъ» и не довольно любите терзаемый имъ русскій народъ, если отказываетесь отъ политической борьбы. Вы живете теоріей и будущимъ, когда практика и настоящее ужасны! Но вы и въ теоріи ошибаетесь: у гербовога орла *два* хищные клюва, они связаны единствомъ ненасытнаго желудка.

Александръ II не дастъ конституціи; ее можно только вырвать у него. Онъ съ упрямствомъ слѣпца хочетъ умереть самодержавнымъ царемъ, ревнливо оберегая декорумъ деспотической власти отъ жалкихъ проблесковъ оппозиціи въ земствѣ, въ литературѣ, въ судѣ. Но это — его личное дѣло. Въ государственномъ же смыслѣ самодержавіе на Руси, кромѣ военно-полицейской дѣйствительности, есть уже давно только блестящій мигъ, живущій лишь кое-гдѣ въ незлобивомъ сердцѣ крестьянина. Россія только покрыта горностаевою царскою порфирой, подъ которой происходитъ кипучая работа набиванія бездонныхъ, частныхъ кармановъ жадными частными руками. Сорвите эту когда-то пышную, а теперь изъѣданную молью порфиру, и вы найдете виолетъ готовую, дѣятельную буржуазію. Она не отличалась въ самостоятельныя политическія формы, она прячется въ складкахъ царскою порфиры, но только потому, что ей такъ удобнѣ исполнять свою историческую миссію расширенія народнаго достоянія и присвоенія народнаго труда. Великому вялзю Константину нужнее самодержавный царь, чтобы за его спиной обдѣлывать свои частныя воровскія дѣла. Министру Валугу нуженъ самодержавный царь, чтобы изъ-подъ его руки расхищать государственныя имущества. Деревенскому кулаку нужна эманация самодержавнаго царя — самодержавный исправникъ, чтобы закрѣпощать голыдыбу. Фабриканту нужна такая же эманация — самодержавный

полицеймейстеръ, чтобы перепороть стаянувшихся рабочихъ. Европейской буржуазии самодержавіе — помѣха, нашей буржуазии оно — опора. Въ Европѣ политическая свобода была провозглашена уже послѣ того, какъ сложилось крѣпкое, организованное, умственно и матеріально сильное третье сословіе. Въ этомъ горе Европы и урокъ намъ. У насъ политическая свобода должна быть провозглашена прежде, чѣмъ буржуазія настолько сплотится и окрѣпнѣетъ, чтобы не нуждаться въ самодержавномъ царѣ и его эманацияхъ. Такая минута наступитъ. Буржуазія, выросшая подъ сѣнью царской порфиры, разорветъ ее въ клочки, и что вы скажете тогда на неподкупномъ судѣ исторіи? Отстраняете отъ политической борьбы, задержали ли вы развитіе буржуазіи? Нѣтъ, вы помогли ему, потому что, чѣмъ самодержавіе исправнее, тѣмъ легче кулаку грабить.

Предразсудокъ противъ политической борьбы силенъ въ Россіи. Имъ заражены люди самые достойные. Между ними есть и люди мирнаго прогресса и люди революціи. Люди мирнаго прогресса думаютъ, что самодержавіе только тогда завершитъ свою миссію, когда крестьянинъ достаточно оперится умственно и матеріально, чтобы не дать себя поглотить буржуазіи. Это было бы основательное разсужденіе, еслибы самодержавіе не давало простора приватному хипичеству и еслибы само оно не питалось кровью и плотью народа. Гдѣ заботы самодержавія объ умственномъ и матеріальномъ развитіи народа? На чемъ держится надежда на самодержавіе, когда оно до костей исколевало крестьянина своимъ желѣзнымъ носомъ?

Люди революціи рассчитываютъ на народное возстаніе. Это дѣло вѣры. Я не имѣю ея. Но, становясь на точку зрѣнія вѣрующаго, я спрашиваю: Когда народное возстаніе вѣроятнѣе? Тогда ли, когда на вершинѣ политическаго строя сидятъ далекій, полумножескій царь, въ котораго темный народъ, по преданію, еще вѣрится, или тогда, когда страшно правятъ выборные люди, обыкновенные люди, безъ всякаго мистическаго ореола?

Не политическая свобода отвѣтственна за социальную больнью Европы, а система приватнаго хищничества. До из-

вѣстнаго времени эта система не только не нуждается въ политической свободѣ, но, напротивъ, находитъ себѣ лучшую поддержку въ іерархической эманации самодержавія. Въ такомъ положеніи находится Россія. Живите же настоящимъ, боритесь съ живымъ врагомъ! Онъ не щадитъ васъ, за что же вы будете систематически щадить его?

Вы не боитесь тюрьмы и каторги. Вы боитесь собственной мысли...

Но я уже оговорился, что слѣдуетъ, кажется, употребить прошедшее время: боялись. Получивъ «Народную Волю», я тотчасъ-же взялся за перо, чтобы послать вамъ горячій привѣтъ съ родины Руссо и во имя Руссо. Но вашъ поздній выходъ на настоящую дорогу и всѣ мои наблюденія убѣждаютъ меня, что «Политическія письма социалиста» будутъ не лишніи. Предразсудокъ противъ политической борьбы вкорыленъ всей русской исторіей, причувшею насъ жить не практикой настоящаго, изъ которой самодержавіе гонитъ всякую честную дѣятельность, а будущимъ, теоріей и фантазійей. Повторяю: достойнѣйшіе люди, соль земли русской, заражены этою больнью. Пора, давно пора выдорывѣть и понять, что политическій нецотизмъ выгодеетъ только врагамъ народа. Конституціонный режимъ есть вопросъ завтрашняго дня въ Россіи. Этотъ завтрашній день не принесетъ разрѣшенія социальнаго вопроса. Но развѣ вы хотите завтра-же сложить руки? Развѣ вы устали бороться? Вѣрьте мнѣ, что даже самое единодушное народное возстаніе, если бы оно было возможно, не дастъ вамъ опочить на лаврахъ и потребуетъ новаго напряженія, новой борьбы. Вѣкъ живи, вѣкъ борись! «Миръ и въ чеховѣдѣхъ благоволеніе» принадлежитъ далекому будущему. Мы съ вами не доживемъ до него. Всѣхъ перилетій будущей борьбы предвидѣть нельзя. Русское народное возстаніе можетъ выставить гениальнаго честолюбца-Цезаря, полубога, передъ которымъ покорно склонитъ голову несчастная родина; европейское социалистическое возстаніе можетъ вызвать вмѣшательство императорскихъ русскихъ войскъ, уже водворившихъ «порядокъ» въ Венгріи и «спасавшихъ царей» въ Италіи. И мало ли еще какія комбинаціи возможны въ

заколдованнаго круга конституціи и народнаго возстанія, въ которомъ вращается ваша политическая мысль. Не будемъ же жертвовать сегодняшней борьбой ради завтрашней! Или не довольно широко ваше сердце, чтобы объять одною ненавистью государственное и приватное хищничество даже тогда, когда они срослись въ двуглаваго орда съ однимъ желудкомъ? Бейте по объёмъ головамъ кровожадной птицы!

И еще спрошу: зачѣмъ оставили вы своей прекрасной девизъ: «Земля и Воля»? Куда бы ни направилъ въ частномъ случай вашу борьбу практической ходъ жизни, этотъ девизъ долженъ бѣть вашимъ. Одной половиной его — «Волей», вы примыкаете ко всѣмъ уважающимъ себя людямъ, которымъ ненавистно самовластіе; другая половина — «Земля» видѣляетъ васъ изъ общаго либеральнаго хора. Глубокой политической смыслъ заключается въ этой двойственной формулѣ: воля всѣмъ, земля земледѣльцу. Конституцію сочинить на грудно; ее напишетъ и Валуевъ, и Шуваловъ, и Побѣдоносцевъ. Но европейская исторія учитъ насъ, что Бисмарки и Наполеоны, даже Миланы и Ристичи во всякую данную минуту могутъ разорвать хартію воли, если въ сохраненіи ея не заинтересована миллионная масса народа. Русскій народъ грудью встанетъ только за такую волю, которая гарантируетъ ему землю. Онъ равнодушно, даже злорадно будетъ смотреть на самое наглое нарушение конституціи, если въ основѣ ея будетъ лежать циркуляръ Мавова. Избирая себѣ девизъ «Земля и Воля» вы повинуетесь не только народнымъ идеаламъ и голосу высшей справедливости, но и практическимъ требованіямъ истиннаго, непризрачнаго осуществленія самой воли.

Бейте же по объёмъ головамъ хищной птицы! *Vogue la galère!*

Женевъ, 2 ноября (21 октября)
1879 г.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Мнѣ не разъ случалось бывать въ обществѣ русскихъ эмигрантовъ и просто наѣзжихъ изъ Россіи людей крайнихъ мнѣній, слушать типическіе длинные русскіе разговоры, то восторженные, то мучительно-тоскливые, и самому принимать въ нихъ участіе. Но одинъ разговоръ особенно вѣззался мнѣ въ память. Среди горячаго спора, одинъ наѣзжій изъ Россіи замѣтилъ своему опоненту, эмигранту: „Вамъ хорошо разсуждать, когда вы три года высидѣли въ тюрьмѣ, какъ птица небесная; вѣдь вы на счетъ народа сидѣли!“ Опонентъ отвѣтилъ натянутымъ смѣхомъ. Я очень оцѣнилъ эту выходку и этотъ натянутый смѣхъ. Ни одному европейскому революционеру не придетъ въ голову такая утонченно-самообличительная мысль. Рѣшительный или нерѣшительный въ жизни, онъ твердъ въ мысли о безусловной правотѣ своего дѣла. Русскій же революционеръ, пройдя съ невѣроятнымъ самоотверженіемъ весь крестный путь лишений, оскорбленій, страданій, на который обреченъ свободный человѣкъ въ Россіи, можетъ накануне повѣшенія призадуматься: имѣю ли я право, хотя бы въ предсмертныхъ судорогахъ, висѣть на этомъ кускѣ дерева, составляющаго народное достояніе? Не ограбилъ ли я народъ на это сосновое бревно съ перекладной и на ту долю труда, которая въ него положена?

Я далеко отъ намѣренія представлять въ смѣшномъ видѣ характерную симпатичную черту русской революціи. Напротивъ, я думалъ о ней съ глубокимъ умиленіемъ. Она свидѣтельствуетъ о такой глубокой чистотѣ, передъ которой меркнуть всеъ уличенія въ безнравственности. Но я посвящу особое письмо этой чистотѣ и вопросу о томъ, что дѣлаютъ съ ней дѣти мрака, и злобы, люди безъ головы, съ мохнатымъ сердцемъ, заправляющие судьбами родины. Теперь я хочу обратить ваше вниманіе на нѣкоторые прискобренные послѣдствія характернаго раздумья русской революціи.

Имѣю ли я право что нибудь знать, когда народъ преисмынается въ мракѣ невѣжества? Имѣю ли я право кричать

отъ боли, отдаватьъ наносимые мнѣ удары, желать себѣ простора, когда побой терпѣть и народъ? Мнѣ часто случалось удовлетвѣять эти и подобныя вопросы не только въ мысляхъ, но и въ словахъ, даже въ дѣйствіяхъ русскихъ революціонеровъ. Святые вопросы! Но, при данныхъ обстоятельствахъ, они обращаются на практикѣ въ источникъ противорѣчій, недоразумѣній, нерѣшимости, потери времени и силы. Мучительные вопросы, какъ говорятъ французы, вставляютъ палки въ колеса, мѣшаютъ отдаться призыву жизни и свободы, мѣшаютъ наконецъ даже назвать настоящимъ именемъ собственную дѣятельность и вести ее твердо, сознательно, систематично. Я живо помню свои разговоры съ революціонерами по поводу политическихъ убійствъ, разговоры, основаніе которыхъ европейскій революціонеръ-соціалистъ даже понять не можетъ. Я не способенъ хладнокровно убить человѣка и никогда не считалъ себя въ правѣ учить другихъ, кого и какъ слѣдуетъ убивать. Но, отвлекаясь отъ личныхъ свойствъ и смотря на дѣло исключительно съ логической стороны, я добивался звать какой практической смыслъ имѣютъ убійство Мезенцева, Гейкинга и пр. Среди различныхъ полученныхъ мною предположеній и объясненій были такіа. Русская революція, говорили мнѣ, имѣетъ исключительно социальный характеръ, мы не хотимъ конституціи, она наложитъ только новое ярмо на народъ, а потому мы уклоняемся отъ политической борьбы; убійства же имѣютъ просто характеръ самозащиты: намъ мѣшаютъ шпионы — и мы ихъ устраняемъ, насъ тѣснятъ Мезенцевы — и мы платимъ кровью за кровь. Я возражалъ: вы просто путаетесь въ словахъ и бонтаетесь собственной мысли. Что же такое ваша самозащита, какъ не политическая борьба? Вы не хотите ея, васъ вынуждаютъ на нее обстоятельства, но такъ было всегда и вездѣ. Въ этомъ отношеніи вы не составляете чего-нибудь безиррациональнаго въ исторіи. Всегда и вездѣ люди выходили на арену политической борьбы потому, что данная политическая организація стѣсняла ихъ свободную дѣятельность. Съ вами происходитъ то-же самое, съ тою разницей, что, за неимѣніемъ мало-мальски свободнаго

пространства для открытой борьбы, вы вынуждены прибѣгать къ тайнымъ политическимъ убійствамъ. Но и убійства эти — не новость въ исторіи и нѣтъ въ нихъ ничего спеціально-соціалистическаго. Это просто особый родъ политической борьбы, къ которому прибѣгаютъ и аристократы, и клерикалы, и либералы и просто интриганы: Равальяки, Ансатрими, Шарлотты Корде, Лувели, русскіе сіятельные убійцы Петра III и Павла, чьи столь-же сіятельные и столь-же подлые потомки содрогаются мохнатыми сердцами, вспоминая чистый образъ Засулича, которой было „тяжело поднять руку на человѣка“, и неизвѣстныхъ убійцъ Мезенцева, Кропоткина и пр. Нѣтъ, ваши убійства не заключаютъ въ себѣ ничего социалистическаго. Это актъ чисто-политической борьбы. Вы поневолѣ повинуетесь требованіямъ жизни, но все-таки упреждаетесь, прятаетесь отъ самихъ себя, не доводите свою собственную мысль до логическаго конца, не обращаете ее въ систему — а противъ васъ стоитъ дѣлая система. Не такіа ничтожества, какъ Гейкиннгъ или Кропоткинъ мѣшаютъ вашей дѣятельности, а весь русскій политическій строй въ дѣломъ и во всѣхъ подробностяхъ. Онъ, какъ страшный желѣзный молотъ, давитъ въ Россіи все, кромѣ буржуазіи, которую вы считаете своимъ единственнымъ врагомъ. Повѣрьте, что ни одинъ волосъ не падетъ съ головы этой буржуазіи безъ кроваваго отомщенія со стороны русскаго самодержавія. По маію царя, государство станетъ на защиту вашихъ враговъ, „стальной щетиною сверкая“, и что тутъ значать Гейкиннгъ, Кропоткинъ, когда любой московскій мясникъ можетъ ихъ замѣнить во всякую данную минуту? Нѣтъ, не Гейкиннгъ и Кропоткинъ должны быть убиты, а идея самодержавія. Она должна быть вырвана съ корнемъ изъ жизни и изъ сердца народа, долготерпѣливаго, темнаго, все еще ждущаго чего-то отъ царя. Народъ! Развѣ во имя народа убиты Мезенцевъ, Гейкиннгъ? Нѣтъ, это ваше личное дѣло, личный полемикъ при помощи кивалатовъ и револьверовъ. Для народа эти презрѣнные люди только вѣрные слуги полумифическаго царя, отъ которыхъ непосредственно народъ никогда зла не ощущалъ. Другое дѣло Маховъ, на повятномъ шаруду языкѣ

земельного вопроса заявивший, со смѣлостью глупца, что онъ врагъ народа. Другое дѣло становой, высѣкающій изъ мужицкаго тѣла недоимку, какъ огонь изъ кремня, и всякій близкій осязательный притѣснитель и обидчикъ. Такихъ убійствъ не слыхать однако. Вы не ищите опоры ни въ народѣ, ни въ какомъ другомъ общественномъ элементѣ, потому что не хотите политической борьбы; вы довольствуетесь „самозащитой“, т. е. политической-же борьбой, но отрывочной, бессистемной, несознанной...

Такъ приблизительно говорилъ я съ нашими революціонерами много времени тому назадъ (здѣсь я только примѣръ Макова прибавилъ). Опомдали ли эти разсужденія или еще на что-нибудь годятся — судить не берусь. Повторяю, я не убійца и не подстрекателя на убійства. Лично мнѣ политическая борьба представляется въ совсѣмъ иныхъ формахъ. Я только логически развиваю положеніе людей, берущихся за кинжалъ и револьверъ, и вижу, что они не могутъ довести собственную мысль до конца изъ-за предрасудка относительно политической свободы. Чего дороже, систематическая политическая борьба, опирающаяся на тотъ или другой общественный элементъ, или даже на всѣ недовольные элементы, поведетъ къ политическому перевороту, къ „конституціи“! Вотъ „жунель“, отъ котораго бѣжить русскій революціонеръ!

Я вижу тебя, моя несчастная родина! Бѣлая пелена снѣга лежитъ на твоихъ поляхъ и лугахъ. Ледъ сковавъ твои рѣки, пруды и озера. Еловыя вѣтви гнутся подъ тяжестью снѣжной сѣдины. Каждая береза обвита бѣлымъ саваномъ. Глухо. Мертво... Но вотъ начинается теплится жизнь. Эта — русская революція. Ярче, ярче разгорается ея благодатный огонь, кругомъ оттаиваетъ саванъ снѣга и... обманъ! Эти люди умѣютъ умирать и не хотятъ жить.

Они говорятъ, что не имѣютъ права жить, потому-что, завоевывая себѣ жизнь путемъ систематической политической борьбы, они должны будутъ подать руку либераламъ и помочь имъ наложить новое ярмо на народѣ. Они не видятъ, что сила обстоятельствъ все-равно роковымъ образомъ влечетъ ихъ къ политической борьбѣ и что вопросъ только въ

томъ, вести ли ее урывками, безъ системы, лично за себя и для себя, или за всю родину и для всей родины. Они такъ свыклись съ Пинегой и Якутскомъ, съ этимъ мертвымъ царствомъ льдовъ, снѣговъ, мрака, холода, что имъ, конечно, чуждъ народный стонъ, выразившійся въ поговоркѣ: „гирши, га ниши“. „Уже испека!“ говорилъ христіанскій мученикъ, которому поджарили одинъ бокъ на сковородѣ: онъ хотѣлъ, чтобы его повернули на другой бокъ, чтобы наболѣвшій бокъ отдохнулъ, хотя дѣною новой боли. Это голо-са жизни. И почему „гирши“, если „ниши“? Я старался показать въ первомъ письмѣ, постараюсь показать въ будущихъ, что и безъ конституціоннаго режима народъ отданъ самодержавіемъ во власть самой необузданной системы приватнаго хищничества, въ придачу къ хищничеству государственному. Народу „гирши“ быть не можетъ. Вамъ тоже: дальше Сахалина нѣтъ русскихъ владѣній, выше вилыды вздернуть никого нельзя!

Союзъ съ либералами тоже не страшенъ, если вы вступите въ него честно, и безъ лицемерія объявите имъ свой святой девизъ: „Земля и Воля“. Они къ вамъ пристанутъ, а не вы къ нимъ. Въ практической борьбѣ безумно не пользоваться выгодами союзовъ, хотя бы случайныхъ и временныхъ. И признаюсь вамъ: я думаю, что многіе либералы гораздо къ вамъ ближе, чѣмъ вамъ кажется. Они были бы еще ближе, если бы ясно понимали особенности условій русской жизни. Меня спрашиваютъ: какъ можетъ быть положенъ или не положенъ въ основу грядущей русской конституціи циркуляръ Макова, вовсе не затрогивающій вопроса о политическихъ формахъ? Отвѣчаю: конечно онъ можетъ быть положенъ или не положенъ въ основу конституціи организаціей избирательнаго права, непосредственно же онъ можетъ быть на вѣки изгнанъ, чтобы и память о немъ погибла, „аки Обры, иже нѣсть племени ни наслѣдка“, установленіемъ основнаго государственнаго закона въ родѣ американскаго Homestead Law, только въ болѣе опредѣленной, послѣдовательной формѣ. Америка, страна колоссальной важности, не убоилась ввести у себя, хотя отчасти, принципъ принадлежности земли земледѣльцу. Тѣмъ легче

будеть утвердить этот принцип у насъ, гдѣ онъ и безъ того живеть не только въ душѣ народа, но и въ сознаниі каждаго порядочнаго интеллигентнаго человѣка. Если царь осуществитъ этотъ народный идеалъ, дѣло русской свободы, а можетъ быть и европейской, отодвинется на многие годы. За такимъ царемъ народъ пойдетъ на край свѣта и, въ случаѣ необходимости, зальетъ кровью всю Европу. Но царь этого не сдѣлаетъ — онъ не мужицкій царь, а солдатско-кулацкій. Однако долго народъ не извѣрится въ царя. Станемъ же на его мѣсто, предоставимъ народу землю, и тогда на вѣки сотрется позорное клеймо раба со лба русскаго человѣка. Никакой царь не сломитъ воли, основанной на благоденствіи народа. Неужели же наша интеллигенція упуститъ этотъ единственный историческій моментъ и призываетъ на себя печаль Каина, который убилъ своего родного брата, но и самъ извѣтилъ отъ позора? Я убѣжденъ, что словами „Земля и Воля“ исчерпывается для нашей интеллигенці единственно-возможная программа и что виѣ ея интеллигенція осуждена на роль вѣчнаго политическаго недоноса. C'est la fatalité.

Женева, 9 декабря (27 ноября)
1879 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИСІЙ ХВОСТЪ И ВОЛЧІЙ РОТЪ.

1. КЪ ХАРАКТЕРИСТИКѢ ЛОРИСЬ-МЕЛИКОВА.

Говорятъ, что къ фигурамъ Минина и Пожарскаго на извѣстномъ московскомъ монументѣ будетъ въ скоромъ времени прибавлена статуя графа Лорисъ-Меликова. Говорятъ, что благодарная Россія изобразитъ графа въ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ, но съ волчьимъ ротомъ спереди и

лисыимъ хвостомъ сзади, въ отличіе отъ прочихъ генералъ-адъютантовъ, отчества не имѣвшихъ. Мы ничего не имѣемъ противъ такого увѣковѣченія памяти графа. Мы даже готовы принять послынное участіе въ національной подпискѣ на сооруженіе статуи. Но такъ какъ подписка еще не объявлена, то ограничимся пока духовной лентой, сообщеніемъ давленнымъ, свидѣтельствующихъ, что графъ достоинъ памятникка.

Блело было ликованіе нашихъ легальныхъ собратьевъ по газетному дѣлу при назначеніи графа субалтернъ-императоромъ. Всѣ знаютъ дѣлу подобныхъ ликованій. Какъ ни жестоко относятся къ намъ наши собратья, но мы всегда готовы войти въ ихъ положеніе и признать, что имъ, вынужденнымъ кланяться „собакѣ дворника, чтобъ ласкова была“, нельзя было не ликовать при назначеніи диктатора, кто бы онъ ни былъ. На этотъ разъ одноко ликованіе было довольно понятно. Графу предшествовала смутная репутація умнаго и либеральнаго человѣка, и самъ онъ, съ перваго-же дня своего диктаторства, сталъ мягко и любезно пошевеливать лисыимъ хвостомъ. Прокламація къ жителямъ столицы, призывъ представителей города въ комиссію, интимныя бесѣды съ журналистами, правительственное сообщеніе о пересмотрѣ дѣлъ административно-ссылныхъ, — такова казавая сторона перваго періода диктатуры графа Лорисъ-Меликова. Каждый изъ этихъ взмаховъ лисьяго хвоста привѣтствовался не только самъ по себѣ, но и какъ задатокъ какого-то огромнаго подарка, который благородный графъ сдѣлаетъ благодарной Россіи. Чьи-то услужливые языки и перья муссиrowали каждое изъ этихъ событій, удесатерили ихъ фактическое и принципиальное значеніе, — Россія была на канунѣ золотого вѣка. Независимо отъ газетныхъ восторговъ, намъ приходилось слышать, какъ старыя, сѣдые практики выражали полную увѣренность въ томъ, что петербургскіе думцы стануть постоянными членами верховной комиссіи, что въ нее войдутъ представители другихъ городовъ, земствъ, сословій. Мы слышала фантастическіе рассказы о тысячахъ, чуть-ли даже не десяткахъ тысячъсылныхъ, возвращенныхъ семей, отечеству, наукѣ. Мы слышала серьезныя увѣренія,

что III отд. собст. его величества канцелярии уничтожится. Открытая реакція, нагло-жестокая и безумно-кровожадная, печалилась. Она опустила-бы голову еще ниже, если бы графъ съ перваго шага не показалъ, что у него есть не только лисій хвостъ, а также волчій роть. Мы разумѣемъ князь Младецкаго.

Наиболѣе выдающійся фактъ втораго періода диктатуры графа Лорисъ-Меликова есть низверженіе графа Толстого. Отставка этого министра народнаго помраченія есть дѣйствительная заслуга диктатора. Но радуясь этой несомнѣнно всероссійской радости, а также такимъ, пока еще сомнительнымъ радостямъ, какъ назначеніе Сабурова, Абазы, Маркова, Бунге, надо помнить, что все это только измѣненія въ составѣ населенія бюрократическаго Ноева Ковчега. Новый министр, новые товарищи министра, новый начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати еще не успѣли опредѣлиться. Но положимъ, что въ ковчегѣ русской бюрократіи, какъ и въ библейскомъ Ноевомъ Ковчегѣ, чистыхъ животныхъ по семи паръ, а нечистыхъ только по двѣ. Мы готовы этому радоваться вмѣстѣ съ легальнѣею журналистикой и со всѣмъ русскимъ обществомъ. Приятно видѣть, что попечительное правительство даетъ намъ хорошихъ начальниковъ взаимѣ дурныхъ. Но вздохъ лисьяго хвоста не это обѣщали, не паллиативъ въ видѣ хорошаго начальства. А изъ за нихъ забыты всѣ обиды перваго періода диктатуры.

Типичскій азіатскій дипломатъ, графъ умѣетъ товаръ лицомъ показать. Съ трескомъ и громомъ явилась прокламація къ жителямъ столицы, а за кулисами обиданное въ ней обращеніе въ содѣйствию общества свелось къ нулю. Кимвалы и тимпаны возвѣстили приглашеніе представителей города Петербурга въ верховную комиссію, а на дѣлѣ они не были тамъ ни одного раза. Отставкѣ Дренгелъна былъ приданъ характеръ сокращенія дѣятельности, если не уничтоженія III Отдѣленія, а на дѣлѣ оно продолжается въ гнусную дѣятельность въ усиленныхъ размѣрахъ.

Того требуютъ азіатская натура и азіатскія привычки графа. Еще будучи начальникомъ Терской области, онъ занимался насажденіемъ шіонства, тоже продолжалъ дѣлать

въ Харьковѣ, тоже дѣлаетъ въ Петербургѣ. Мы имѣемъ довольно достовѣрнаго свидѣнія, что, кромѣ обыкновенныхъ агентовъ III Отдѣленія, шіонствомъ, подъ видомъ прислушиванія къ обществу мѣшину, занимаются и нѣкоторые русскіе литераторы, даже довольно видные, и поны, посѣщающіе Домъ Предварительнаго Заключенія. Еще болѣе громъ, чѣмъ отставка лефа жандармовъ, произвело правительственное сообщеніе о перестроѣ дѣлъ административно-ссыльныхъ. Мы знаемъ, что князь Имеретинскій обѣзжалъ нѣкоторыя тюрьмы и бѣгло разспрашивалъ содержавшихся тамъ въ ожиданіи отправки на мѣсто административной ссылки. Но если этотъ обѣздъ и дастъ какіе нибудь результаты, то до сихъ поръ ихъ не видно, а видно совсѣмъ зругое. Видно, что какъ разъ въ моментъ правительственнаго сообщенія, изъ Петербурга происходили усиленныя высылки на мѣсто родины, въ Сибирь, въ захолустье европейской Россіи *).

Правительственное сообщеніе мотивировало, между прочимъ, пересмотръ желаніемъ дать нѣкоторымъ молодымъ людямъ, оторваннымъ отъ науки, возможность кончить образованіе. А намъ известны такіе, напримѣръ, случаи: въ іюнѣ мѣсяцѣ студентъ IV курса М. Х. Академін, Неуймень, обязанный два года назадъ подпискою о невѣздѣ, обратился съ III Отдѣленіемъ съ запросомъ, можетъ-ли онъ уѣхать на каникулы. Запросъ заставилъ вспомнить о немъ, и студентъ былъ немедленно высланъ административнымъ порядкомъ. Намъ известны и другіе подобные случаи.

Все это лисій хвостъ. Гдѣ же волчій роть?

Лисій хвостъ многіе охотно простятъ графу, даже, можетъ быть, похвалятъ за него. Скажутъ — ловкій человекъ. Но азіатскій дипломатъ не только ловкій человекъ, онъ жестокой человекъ. Самъ увлекаясь процессомъ надуватель-

*) По свидѣніямъ «Голоса» отъ 4-го іюня, въ восточную Сибирь прослаивалось 64 человека политическихъ ссыльныхъ, изъ которыхъ 23 — административныхъ. По нашимъ свидѣніямъ, въ Москвѣ въ 14 іюля была собрана новая партія въ 83 человека политическихъ ссыльныхъ, изъ которыхъ административныхъ свыше 30 человекъ.

ства, графъ въ этомъ увлеченіи не остановится ни передъ чѣмъ.

Наши легальные собраты берутъ иногда изъ «Народной Воли» отдѣльные клочки, какъ матерьялы для довольно плохихъ остротъ. Но они никогда ничего не заимствуютъ, напр., хотя-бы изъ нашей хроникѣ арестовъ. Тѣмъ болѣе не посмѣютъ они перепечатать нижеслѣдующихъ фактовъ, за достовѣрность которыхъ мы ручаемся. Но мы усердно просимъ иностранныхъ газеты обратиться на нихъ вниманіе. Если вамъ, какъ людямъ гоимымъ и пристрастнымъ, не повѣрять, то пусть поручатъ своимъ петербургскимъ корреспондентамъ нанести точныя и подробныя справки. Пусть Европа узнаетъ, что такое либеральній азіатъ, такъ ловко умѣющій муссировать прошеву подачку, въ родѣ, напр., помилованія Ванчакова, Судейкина и Чугуевца, осужденныхъ всего на два мѣсяца къ заключенію въ смирительномъ домѣ, безъ ограниченія правъ. Объ этомъ зналъ милосердіе и либерализма протрубили и русскія и иностранныя газеты. Пусть-же Россія и Европа взглянуть за кулисы!

Вотъ эпизоды изъ харьковскаго генералъ-губернаторства графа.

За участіе въ побѣгѣ Омнина, Ефремовъ былъ приговоренъ къ смертной казни. На самомъ дѣлѣ онъ ничего не зналъ о побѣгѣ, а былъ только знакомъ съ нѣкоторыми участниками. На судѣ это вполне выяснилось. Главную улику противъ него признавалось будто-бы имъ написанное письмо, въ которомъ обсуждалась различныя планы бѣгства. На самомъ дѣлѣ письмо это было писано П. Ивичевичемъ. Последній собственноручно сообщилъ объ этомъ графу Лорисъ-Меликову, указывая на тождество своего почерка съ почеркомъ преступнаго письма. Не смотря на все это, судъ вынесъ Ефремову смертный приговоръ. Затѣмъ къ Ефремову являлся прокуроръ и говорилъ такіа гнусныя рѣчи: „Мы знаемъ что вы не причастны, но власть не должна быть компрометтирована безнаказанностью преступленія; виновные скрылись, вы отвѣтите“. Онъ обѣщала однако отъ имени графа помилованіе, если Ефремовъ подастъ прошеніе. Тотъ отказался. Прокуроръ вновь пришелъ и уже *просилъ* пригово-

ренного къ смерти подать прошеніе: „спимите, говорить онъ, тяжесть съ совѣти, ручаюсь за помилваніе“. Совѣсть!... Ефремовъ не соглашался. Прокуроръ обратился къ его товарищамъ, чтобы тѣ его уговорили. Товарищи стали уговаривать не губить себя, (а товарищи тоже безвинно попали), и, наконецъ, чтобы облегчить ему путь, подали все за себя прошеніе о смягченіи участи. Ефремовъ былъ сломанъ... „Если-бы я зналъ, какую жизнь мнѣ придется вести, я бы не подалъ прошенія: такая жизнь не стоитъ униженія“, пишетъ онъ уже съ каторги. „Но тогда и не имѣлъ достаточно силы. Мучусь этими до сихъ поръ. Я не ждалъ приговора къ смерти и былъ совершенно убить. И ничего не дѣлалъ, не имѣлъ даже ясныхъ убѣжденій. Смерть меня такъ пугала, что я даже опасался, что не выдержу на эшафотѣ и малодушнымъ поведеніемъ скомпрометирую партію“. Подалъ прошеніе и попалъ на 20 дѣтъ на каторгу... Затѣмъ графъ Лорисъ-Меликовъ помѣстилъ сестру Ефремова въ учебное заведеніе. Услужливые языки распускаютъ слухъ, что онъ лично за нее платилъ, но это не вѣрно; она воспитывается на казенный счетъ, хотя и по ходатайству графа.

Нужны ли комментаріи къ этимъ оригинальнымъ вѣселохамъ азіатской совѣсти? Нужно-ли доказывать, что заботы о воспитаніи сестры человѣка, завѣдомо невинно погубеннаго, это все равно, что та свѣчка, которую анекдотическій разбойникъ ставитъ Николаю Чудотворцу послѣ убійства? Хорошъ судъ, осуждающій на смерть невиннаго человѣка, хорошъ прокуроръ, умоляющій снять съ его совѣсти тяжесть, но лучше всѣхъ графъ, истинный виновникъ этого возмутительнаго эпизода.

Въ Петербургѣ исторія Ефремова повторилась на Сабуровѣ. Всѣ помнятъ, что судъ по дѣлу Адриана Михайлова, Веймара, Сабурова и другихъ, назначенному къ слушанію въ концѣ апрѣля, былъ отложенъ на недѣлю. Всѣ помнятъ также, что приговоръ Сабурова къ смертной казни вовсе не вытекалъ изъ данныхъ, выяснившихся на судѣ. Вотъ объясненіе этихъ фактовъ. Графъ поспешилъ увѣрился, что Сабуровъ есть убійца Мезенцова. Незадолго передъ судомъ

диктаторъ лично явился къ Сабурову и долго вылилъ передъ нимъ своимъ мягкимъ лисьямъ хвостомъ, всячески убѣждая его открыть свое настоящее имя. Графъ обѣщалъ помилосердіе, обѣщалъ сохранить тайну имени, говорилъ о своемъ великодушіи, обѣщаніемъ даже въ Европѣ. А когда Сабуровъ остался непоколебимъ, графъ оставилъ лисій хвостъ въ покоѣ и разинулъ волчій ротъ. Онъ объявилъ Сабурову напрямикъ, что онъ будетъ позѣшенъ. На другой день къ Сабурову явился Черевинъ, подтверждая и просьбу и угрозу принципала. Въ концѣ разговора онъ далъ Сабурову недѣлю на размысливаніе, вслѣдствіе чего судъ и былъ отложенъ на недѣлю. Такъ какъ Сабуровъ за недѣлю не одумался, то финаломъ гнусной комедіи суда былъ смертный приговоръ, чудовищный въ юридическомъ смыслѣ, но вполне соответствующій азіатской совѣсти диктатора.

Таковъ графъ Лорисъ-Меликовъ, спаситель отечества, возстановитель правды, назидатель свободы! Для этого азіата въ которомъ наивные люди хотятъ видѣть европейца, нѣтъ униженія: онъ спустится до роли палача, шпіона, позитическаго шулера, онъ расточаетъ судъ, правду, жизнь, но сдѣлаетъ это такъ, что наивные люди увидятъ только мягкія движенія пушистаго хвоста...

Какое пошлѣ, такое и прихоть. Многие вѣрятъ, что съ воцареніемъ графа Лорисъ Меликова, дѣятельность тайной и явной полиціи приняла болѣе мягкія формы. Въ дѣйствительности при графѣ происходятъ иногда вещи, до сихъ поръ неслыханныя и не выданныя. Недавно, осужденныя по дѣлу Михайлова и другихъ, Малиновская, Колѣжкина, Ольга Натансовъ и Витаньева, подверглись въ Домѣ предварительнаго заключенія варварской и совершенно безпѣльной пыткѣ: ихъ свидѣтельствовали для осмотра особыхъ примѣтъ. Обыкновенно эту операцію надъ женщинами производятъ женщины-же. Но тутъ цѣлая свора самцовъ, состоявшая изъ членовъ Врачебной Управы и жандармовъ, набросилась на несчастныхъ женщинъ. Началось съ Натансовъ, которая незадолго передъ тѣмъ сама просила подвергнуть ее медицинскому осмотру, въ виду ея болѣзненнаго состоянія. Поэтому она сперва не протестовала, но когда

она поняла, въ чемъ дѣло, началась возмутительная сцена насилій, повторившаяся потомъ надъ Малиновской, Каленкиной и Витаньевою. Въ результатѣ Малиновская покушалась на самоубійство, о чемъ было напечатано въ газетахъ, разумеется, съ умолчаніемъ о причинахъ. Теперь она психически безнадежно больна и отвезена въ больницу. Остальныя находятся въ состояніи сильнаго нервного разстройства.

Наши легальные собраты, вамъ не нравятся наши теоріи! Нравятся-ли вамъ сообщенные нами факты? Нравятся-ли вамъ воцѣля нагъ графа Лорисъ-Меликова, или вы еще не разочаровались въ его лисьямъ хвостѣ?

2. ЕЩЕ О ЛИСЬЕМЪ ХВОСТѢ.

Наши легальные собраты такъ усордно восторжались земнымъ раемъ, насажденіемъ котораго завялъ графъ Лорисъ-Меликовъ, что наконецъ самъ графъ рѣшилъ выгнать ихъ изъ рая.

Такого-то числа редакторы газетъ и журналовъ были приглашены къ графу для выслушанія отеческаго наставленія. Наши собраты привыкли къ подобнымъ наставленіямъ. Они выслушивали ихъ и отъ Макова, и отъ Григорьева, не говоря о періодическихъ, канцелярски законическихъ письменныхъ приказаніяхъ не писать о томъ, о семъ, объ этомъ, о королѣ прусскомъ, о пирогахъ съ сигомъ, о теткѣ Варварѣ, о тверди небесной, о гадахъ земныхъ; въ особенности о гадахъ.

Приглашенія предстать предъ свѣтлыя очи министра или начальника управленія по дѣламъ печати практикуются сравнительно рѣдко, но за то въ этихъ торжественныхъ случаяхъ изъ подъ перьевъ нашихъ собратовъ выхватываются уже не тетка Варвара или какой побудь единичный гадъ, а цѣлыя отдѣлы литературы. Последнее приглашеніе состоялось на другой день послѣ взрыва въ зимнемъ дворцѣ, когда Григорьевъ наложилъ табу на 1) народное образова-

ніе, 2) политическія отношенія Россіи къ Германіи и 3) крестьянскіе надѣлы и переселенія.

Не удивительно, что редакция „Пародной Воли“ не была до сихъ поръ приглашена на эти собранія. Но мы надѣялись, что графъ Лорисъ-Меликовъ, будучи либеральнымъ чиновникомъ, а также искоренивъ вражду, пришлетъ намъ приглашительную повѣстку. Мы ошиблись: нашего представителя не было въ именномъ покоѣ графа. Получивъ поэтому свидѣнія объ отеческомъ наставленіи графа изъ вторыхъ рукъ, мы не можемъ передать содержаніе графеской рѣчи съ полною и точною, тѣмъ болѣе желательными, что наши собраты, конечно, не разскажутъ публикѣ, какъ ихъ выгнали изъ ран.

Графъ началъ съ того, чѣмъ онъ всегда начинается—помахалъ пушистымъ лисьимъ хвостомъ. Онъ сказалъ вѣсколко словъ о своемъ уваженіи къ печати, оказавшей столько услугъ при осуществленіи реформаторскихъ предначертаній нашего августѣйшаго вожди. Но, продолжалъ графъ, волновать общественное мнѣніе намеками на необходимость конституціи, земскаго собора или вообще какого-нибудь рѣшительнаго шага, печать отнюдь не должна. Ничего подобнаго не имѣется въ виду и не будетъ. Ему, графу, восторги печати тѣмъ неіпріятнѣе, что неосновательныя надежды связываются съ его именемъ. Графъ готовъ сдѣлать, что можетъ, но онъ можетъ сдѣлать немного. Онъ уже объединилъ полицію и сварядилъ сенаторскія ревизіи, которыя на мѣстѣ узнаютъ нужды населенія; онъ возвратитъ земству его права, слѣдующія ему по положенію, предоставитъ печати критику правительственныхъ вѣropriацій и избавитъ ее отъ административныхъ каръ, если только печать послушается его отеческаго наставленія и по добру по здорovu уберется изъ ран. Вотъ все, что графъ можетъ обѣщать.

„И за это спасибо!“ подумали, вѣроятно, наши, привыкшіе къ благодарности, собраты: все таки „критика“ представляется и по крайней мѣрѣ съ точною обозначаются предѣлы свободнаго слова. Графъ успѣшилъ разочаровать редакторовъ. Переходя отъ общаго къ частному, онъ взялъ со стола номеръ газеты „Молва“ и прочиталъ редактору

ея, г. Полетникъ, наставленіе по поводу какого-то фельетона, въ которомъ заключаются испочинительныя отзывы о лончелѣ одесскаго учебнаго округа... „У васъ есть дѣти?“ спросилъ, между прочимъ графъ редактора. — „Есть.“ — „Такъ какъ же вы не понимаете что подобными статьями подрываете уваженіе къ школьному начальству?“ Взглянувъ другой номеръ „Молвы“ и прочитавъ наставленіе по поводу передовой статьи о необходимости подчинить администрацію самоуправленію. „Вы вѣдь и сами не вѣрите тому, что пишете“, закончилъ графъ. „Ваше сіятельство, возразилъ г. Полетника, я не желаю выслушивать подобныя упреки.“ Графъ моментально спряталъ свой лисьій хвостъ и разинулъ волчій ротъ „какъ! вскричалъ онъ, такъ я закрою вашу газету!“ Г. Полетника, съ мужествомъ, котораго мы, признаться отъ него не ожидали, — отвѣчалъ: „ваше сіятельство можете закрыть газету, можете подвергнуть ее какому угодно взысканію, но я повторяю, что не желаю слушать эти упреки.“ — „Наконецъ, я вамъ передаю высочайшее повелѣніе, чтобы подобныхъ статей больше не было,“ замьялъ графъ щеколтливый разговоръ п, уже не экзамену другихъ редакторовъ по одиночкѣ, отпустилъ ихъ.

Подводягъ итоги:

1) земной рай торжественно ликвидированъ. По собственному признанію графа Лорисъ-Меликова, рай существуетъ только личными его, графа, добрыми намѣреніями; но

2) намѣренія графа болѣе, чѣмъ скромны, а самъ онъ достаточно сильный, чтобъ закрыть газету за обнаруженіе редакторомъ челоуѣческаго достоинства, по собственному признанію, безсилень; въ виду этого:

3) въ частности предѣлы свободнаго слова остаются прежніе, потому что возбуждается свободное осужденіе даже дѣятельности попечителя учебнаго округа, а слѣдовательно, и всякаго другаго чиновника.

Собраты! вы рай во свѣ видѣли! Пора вставать!

ПРИЛОЖЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО „ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА“ КЪ АЛЕКСАНДРУ III

Ваше Величество! Вновь понимая то тягостное настроеніе, которое Вы испытываете въ настоящія минуты, Исполнительный Комитетъ не считаетъ однако себя въ правѣ поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, можетъ быть, для нижеслѣдующаго объясненія, выждать нѣкоторое время. Есть нѣчто высшее, чѣмъ самыя законныя чувства человѣка: это долгъ передъ родной страной, долгъ, которому гражданинъ принужденъ жертвовать и собой и своими чувствами, и даже чувствами другихъ людей. Повинуясь этой всеобщей обязанности, мы рѣшаемся обратиться къ Вамъ немедленно, ничего не выжидая, такъ какъ не ждемъ тотъ историческій процессъ, который грозитъ намъ въ будущемъ рѣками крови и самыми тяжелыми поразеніями.

Кровавая трагедія, разыгравшаяся на Екатерининскомъ каналѣ, не была случайностью и ни для кого не была неожиданной. Послѣ всего, происшедшаго втеченіи послѣдняго десятилѣтія, она явилась совершенно неизбежной, и въ этомъ ея глубокій смыслъ, который обязанъ понять человѣкъ, поставленный судьбою во главѣ правительственной власти. Объяснять подобные факты злоумышленіемъ отдѣльных личностей или хотя бы „шайки“ — можетъ только человѣкъ совершенно неспособный анализировать жизнь народовъ. Въ теченіи цѣлыхъ 10 лѣтъ мы видимъ, какъ у насъ, несмотря на самыя строгія преслѣдованія, несмотря на то, что правительство покойнаго Императора жертвовало всѣмъ — свободой, интересами всѣхъ классовъ, интересами промышленности и даже собственнымъ достоинствомъ — безусловно всѣмъ жертвовало для подавленія революціоннаго движенія, оно всетаки упорно разрасталось, привлекая къ

себѣ лучшіе элементы страны, самыхъ энергичныхъ и самоотверженныхъ людей Россіи и вотъ уже три года вступило въ отчаянную, партизанскую войну съ правительствомъ. Вы знаете, Ваше Величество, что правительство покойнаго Императора нельзя обвинять въ недостаткѣ энергіи. У насъ вѣшали праваго и виноватаго, тюрьмы и отдаленныя губерніи переполнялись сыскими. Цѣлыя десятки такъ называемыхъ „вожаковъ“ переловленіи, перевѣшаны: они гибли съ мужествомъ и спокойствіемъ мучениковъ, но движеніе не прекращалось, оно безостановочно росло и крѣпло. Да Ваше Величество, революціонное движеніе не такое дѣло, которое зависить отъ отдѣльных личностей. Это процессъ народнаго организма, и висѣлицы, воздвигаемыя для наиболее энергичныхъ выразителей этого процесса такъ же безсильны спасти отживающій порядокъ, какъ крестная смерть Спасителя не снасла развратившейся античный міръ отъ торжества реформирующаго христіанства.

Правительство, конечно, можетъ еще переловить и перевѣшать многое множество отдѣльных личностей. Оно можетъ разрушить множество отдѣльных революціонныхъ группъ. Допустимъ, что оно разрушитъ даже самыя серьезныя изъ существующихъ революціонныхъ организацій. Но вѣдь все это нисколько не измѣнитъ положенія вещей. Революціонеровъ создаютъ обстоятельства, всеобщее неудовольствіе народа, стремленіе Россіи къ новымъ общественнымъ формамъ. Весь народъ истребить нельзя, нельзя и уничтожить его недовольство посредствомъ репрессалій: неудовольствіе, напротивъ, растетъ отъ этого. Поэтому на смѣну истребляемыхъ постоянно выдвигаются изъ народа все въ большемъ количествѣ новыя личности, еще болѣе озлобленныя, еще болѣе энергичныя. Эти личности, въ интересахъ борьбы, разумѣются, организуются, имѣя уже готовый опытъ своихъ предшественниковъ; поэтому революціонная организація съ теченіемъ времени должна усиливаться и количественно, и качественно. Это мы видимъ въ дѣйствительности за послѣдніи 10 лѣтъ. Какую пользу принесла гибель Долгушинцевъ, Чайковцевъ, дѣятелей 74-го года? На смѣну ихъ выступили гораздо болѣе рѣшительные на-

родники. Страшныя правительственныя репрессалии вызвали загибъ на сцену террористовъ 78—79 гг. Напрасно правительство истребляло Ковальскихъ, Дубровиновъ, Осипскихъ, Лизогобовъ. Напрасно оно разрушало десятки революціонныхъ кружковъ. Изъ этихъ несовершенныхъ организацій, путемъ естественнаго подбора, вырабатываются только болѣе крѣпкія формы. Показывается, наконецъ, Исполнительный Комитетъ, съ которымъ правительство до сихъ поръ не въ состояніи справиться.

Ожидая безпристрастнымъ взглядомъ пережитое нами тяжелое десятилѣтіе, можно безошибочно предсказать дальнѣйшій ходъ движенія, если только политика правительства не измѣнится. Движеніе должно расти, увеличиваться, факты террористическаго характера повторяться все болѣе обострено; революціонная организація будетъ выдвигать на мѣсто истребляемыхъ группъ все болѣе и болѣе совершенныя, крѣпкія формы. Общее количество недовольныхъ въ странѣ между тѣмъ увеличивается; довѣріе къ правительству въ народѣ должно все болѣе падать, мысль о революціи, о ея возможности и неизбежности — все прочіе будетъ развиваться въ Россіи. Страшный взрывъ, кровавая перетасовка, судорожное революціонное потрясеніе всей Россіи завершить этотъ процессъ разрушенія стараго порядка.

Чѣмъ вызывается, обуславливается эта страшная перспектива? Да, Ваше Величество, страшная и печальная. Не примите это за фразу. Мы лучше чѣмъ кто либо другой, понимаемъ, какъ печальна гибель столькихъ талантовъ, такой энергіи — на дѣлѣ разрушенія, въ кровавыхъ схваткахъ, въ то время, когда эти силы при другихъ условіяхъ могли бы быть потрачены непосредственно на созидательную работу, на развитіе народа, его ума, благосостоянія, его гражданскаго общежитія. Отчего же происходитъ эта печальная необходимость кровавой борьбы?

Оттого, Ваше Величество, что теперь у насъ настоящаго правительства, въ истинномъ его смыслѣ, не существуетъ. Правительство, по самому своему принципу, должно только *выражать Народныя стремленія*, только *осуществлять Народную волю*. Между тѣмъ у насъ — извините

за выраженіе — правительство выродилось въ чистую камариллю и заслуживаетъ названія узурпаторской шайки гораздо болѣе, чѣмъ Исполнительный Комитетъ.

Каковы бы ни были намѣренія государя, *но дѣйствія* правительства не имѣютъ ничего общаго съ народной пользой и стремленіями. Императорское правительство подчинило народъ крѣпостному праву, отдало массы во власть дворянству; въ настоящее время оно открыто создаетъ самый вредный классъ спекулянтовъ и барышниковъ. Всѣ реформы его приводятъ лишь къ тому, что народъ впадаетъ все въ болѣее рабство, все болѣе эксплуатируется. Оно довело Россію до того, что въ настоящее время народныя массы находятся въ состояніи полной нищеты и разоренія, не свободны отъ самаго обиднаго надзора даже у своего домашняго очага, не властны даже въ своихъ мірскихъ, общественныхъ дѣлахъ. Покровительствомъ закона и правительства пользуется только хищникъ — эксплуататоръ; самые возмутительные рабежи остаются безъ наказанія. Но зато какая страшная судьба ждетъ человѣка, искренно мыслящаго объ общей пользѣ. Вы знаете хорошо, Ваше Величество, что не однихъ социалистовъ ссылаютъ и преслѣдуютъ. Что же такое — правительство, охраняющее подобный „порядокъ“? Неужели это не шайка, неужели это не проявленіе полной узурпаціи?

Вотъ почему русское правительство не имѣетъ никакого правственнаго вліянія, никакой опоры въ народѣ; вотъ почему Россія порождаетъ столько революціонеровъ; вотъ почему даже такой фактъ, какъ царевубійство, вызываетъ въ огромной части населенія — радость и сочувствіе! Да, Ваше Величество, не обманывайте себя отъзывами льстецовъ и прислужниковъ. Царевубійство въ Россіи очень популярно.

Изъ такого положенія можетъ быть два выхода: или революція совершенно неизбежна, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или — добровольное обращеніе Верховной власти къ народу. Въ интересахъ родной страны, во избѣжаніе напрасной гибели силы, во избѣжаніе тѣхъ страшныхъ бѣдствій, которыя всегда сопровождаютъ рево-

людию, Исполнительный Комитетъ обращается къ Вашему Величеству съ совѣтомъ избрать второй путь. Вѣрнѣе, что какъ только Верховная Власть перестанетъ быть произвольной, какъ только она твердо рѣшится осуществлять лишь требованія народного сознанія и совѣсти, — Вы можете смѣло прогнать позорящихъ правительство шпионовъ, отослать конвоишныхъ въ казармы и съжечь развращающій народъ висѣлицы. Исполнительный Комитетъ самъ прекратить свою дѣятельность, и организованныя около него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работѣ на благо роднаго народа. Мирная, идейная борьба смѣнитъ насилие, которое противно намъ болѣе, чѣмъ нашимъ слугамъ, и которое практикуется нами только изъ печальной необходимости.

Мы обращаемся къ Вамъ, отбросивши всякія предубѣжденія, подавивши то недоверіе, которое создала вѣбовая дѣятельность правительства. Мы забываемъ, что Вы представитель той власти, которая столько обманывала народъ, сдѣлала ему столько зла. Обращаемся къ Вамъ, какъ гражданину и честному человеку. Надѣемся, что чувство личнаго озлобленія не заглушитъ въ Васъ сознанія своихъ обязанностей и желанія знать истину. Озлобленіе можетъ быть и у насъ. Вы потеряли отца. Мы теряли не только отцовъ, но еще братьевъ, женъ, дѣтей, лучшихъ друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требуетъ благо Россіи. Ждемъ того же и отъ Васъ.

Мы не ставимъ Вамъ условій. Пусть не шокируетъ Васъ наше предложеніе. Условія, которыя необходимы для того, чтобы революціонное движеніе замѣнилось мирной работой, созданы не нами, а исторіей. Мы не ставимъ, а только напоминаемъ ихъ.

Этихъ условій — по нашему мнѣнію, два :

1) Общая амнистія по всемъ политическимъ преступленіямъ прошлаго времени, такъ какъ это были не преступленія, но исполненіе гражданскаго долга.

2) Созвъ представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и обще-

ственной жизни и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями.

Считаемъ необходимымъ напомнить однако, что легализація Верховной власти народнымъ представительствомъ можетъ быть достигнута лишь тогда, если выборы будутъ произведены совершенно свободно. Поэтому выборы должны быть произведены при слѣдующей обстановкѣ.

1) Депутаты посылаются отъ всѣхъ классовъ и сословій безразлично, и пропорціонально числу жителей;

2) никакихъ ограниченій ни для избирателей, ни для депутатовъ не должно быть;

3) избирательная агитація и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно въ видѣ временной мѣры, впродѣ до рѣшенія народного собранія, допустить:

а) полную свободу печати,

б) полную свободу слова,

в) полную свободу сходокъ,

г) полную свободу избирательныхъ программъ.

Вотъ единственное средство къ возвращенію Россіи на путь правильнаго и мирнаго развитія. Заявляемъ торжественно, предъ лицомъ родной страны и всего міра, что наша партія съ своей стороны безусловно подчинится рѣшенію Народнаго Собранія, избраннаго при соблюденіи вышеизложенныхъ условій, и не позволитъ себѣ впродѣ никакого насильственнаго противодѣйствія правительству, санкціонированному Народнымъ Собраніемъ.

Итакъ, Ваше Величество, — рѣшайте. Среди Вася два пути. Отъ Васъ зависитъ выборъ. Мы же загѣмъ можемъ только просить судьбу, чтобы Вашъ разумъ и совѣсть подсказали Вамъ рѣшеніе, единственно сообразное съ благомъ Россіи, съ Вашимъ собственнымъ достоинствомъ и обязанностями передъ родною страной.

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЯТОЕ

ПИСЬМО КАРЛА МАРКСА *)

Авторь статьи „Карль Марксъ передь судомъ г. Жуковскаго“ очевидно человекъ остроумный, и еслибы онъ въ моемъ положеніи, трактующемъ о „первоначальномъ накопленіи“, нашелъ хотя одну страницу въ подтверженіе своихъ выводовъ, онъ бы на нее сдѣлалъ ссылку. За отсутствіемъ таковой, онъ принужденъ былъ взять ее не изъ самой книги, а изъ полемической выходки противъ одного русскаго беллетриста, напечатанной въ приложеніи къ первому нѣмецкому изданію „Капитала“. Въ чемъ и тамъ упрекалъ русскаго писателя? А въ томъ, что онъ открылъ „русскій коммунизмъ“ не въ Россіи, а въ книгѣ нѣмецкаго статскаго совѣтника Гакстаузена и что въ его рукахъ русская община служить только доводомъ въ пользу того, что побѣда панславизма принесетъ съ собой обновленіе старой гнилой Европѣ. Моя оцѣнка этого писателя можетъ быть

*) Въ бумагахъ покойнаго Карла Маркса оказалось письмо его, — повидимому, не отправленное — на французскомъ языкѣ, относящееся къ статьѣ „Отечественныхъ Записокъ“: „Карль Марксъ передь судомъ г. Жуковскаго“. Мы давно имѣли это письмо въ рукахъ, но зналъ, что Фридрихъ Энгельсъ передастъ его другимъ лицамъ для напечатанія на русскомъ языкѣ, воздержались отъ его публикованія. Оно до сихъ поръ въ русской заграничной прессѣ не появлялось. Въ прошломъ году оно было издано въ Россіи нашими товарищами, но большая часть изданія попала въ руки полиціи. Теперь мы получили отъ нашихъ товарищей русской переводъ его съ просьбой напечатать, такъ какъ имъ не удалось распространить его, а оно вызвало значительный интересъ въ русской социалистической молодежи. Считаемъ приятной обязанностью исполнить ихъ просьбу и украсить страницы нашего журнала произведеніемъ знаменитаго социалиста. Упомянутые въ письмѣ русскіе писатели суть А. И. Герценъ и Н. Г. Чернышевскій.

Прим. ред. «Вѣстника Народной Воли».

справедлива, можетъ быть и ложна; но она ни въ какомъ случаѣ не можетъ дать ключъ къ мнѣмъ взглядамъ „на условія русскіхъ людей найти для своего отечества путь развитія, отличный отъ того, какимъ шла и идетъ Западная Европа и т. д.“ Въ приложеніи ко второму нѣмецкому изданію „Капитала“ и съ глубокимъ, вполне имъ заслуженнымъ уваженіемъ, говорю о „великомъ русскомъ ученомъ и критикѣ“. Этотъ ученый въ своихъ замѣчательныхъ статьяхъ рѣшалъ вопросъ о томъ, должна-ли Россія начать съ разрушенія сельской общины, перехода къ капиталистическому строю (какъ хотѣли либеральные экономисты) или напротивъ, она можетъ усвоить всѣ плоды этого строя, не переживая сопряженныхъ съ нимъ мученій и развиваясь сообразно своимъ собственнымъ историческимъ даннымъ. *Самъ онъ высказывается за послѣдній исходъ.*

Такимъ образомъ, мой почтенный критикъ имѣлъ по крайней мѣрѣ столько-же основаній изъ этого отзыва о „великомъ русскомъ ученомъ и критикѣ“ сдѣлать выводъ, что я раздѣляю его взгляды на этотъ вопросъ, сколько и заключить изъ моей полемики противъ русскаго, беллетриста* и панслависта, что я съ ними не согласенъ.

Наконецъ, такъ какъ я не люблю оставлять ничего не досказаннаго, скажу безъ оговорокъ: для того, чтобы съ увѣренностью судить о ходѣ экономическаго развитія современнаго Россіи, я вынужденъ по русски и въ продолженіи (многихъ?) лѣтъ изучать официальныя и другіе имѣющіеся въ печати источники по этому вопросу. Я пришелъ къ такому выводу: если Россія будетъ продолжать идти путемъ избраннаго ею послѣ 1861 года, она потеряетъ одинъ изъ самыхъ удобныхъ случаевъ, который когда-либо исторической ходъ вещей давалъ народу для минованія всѣхъ перипетій капиталистическаго строя. Въ главѣ о „первоначальномъ накопленіи“ я хочу только нарисовать тотъ путь, какимъ въ Западной Европѣ капиталистическій строй вышелъ изъ нѣдра феодально-экономическаго строя. Въ ней, слѣдовательно, прослѣженъ тотъ ходъ историческихъ событій, которымъ производитель былъ оторванъ отъ орудій производства, при чемъ первый превратился въ наемнаго

рабочаго (пролетарія въ современномъ смыслѣ слова), а послѣдній въ капиталъ. Въ этой исторіи каждый переворотъ составляетъ эпоху, служа рычагомъ развитія организующаго класса капиталистовъ; главную-же основу такого развитія составляетъ экспроприація земледѣльцевъ. Въ концѣ главы я говорю объ исторической тенденціи капиталистическаго накопленія, утверждая, что его послѣднимъ словомъ будетъ превращеніе капиталистической собственности въ собственность социальную. Въ этихъ заключительныхъ строкахъ главы я не привожу никакихъ доказательствъ въ пользу сдѣланнаго утвержденія по той простой причинѣ, что само оно ничто иное, какъ общій выводъ длиннаго ряда разсужденій о капиталистическомъ производствѣ. Какое же приложеніе къ Россіи могъ извлечь мой критикъ изъ этого историческаго очерка? Только слѣдующее: если Россія стремится сдѣлаться капиталистической страной на подобіе Западной Европы (а она въ послѣдніе годы надъ этимъ довольно потрудилась), то ей не достичь этого безъ предварительнаго превращенія доброй части своихъ крестьянъ въ пролетаріевъ; послѣ-же этого, разъ понавши подъ ярмо капиталистическаго режима, ей придется подчиниться всеуложимымъ законамъ капитализма наравнѣ съ другими непосвященными націями. Вотъ и все!

Но этого мало для моего критика. Ему угодно было мой эскизъ о происхожденіи Западно-Европейскаго капитализма превратить въ цѣлую историко-философскую теорію общаго историческаго пути народовъ, роковымъ образомъ предначертаннаго для каждого изъ нихъ, каковы-бы ли были условія его историческаго бытія, дабы, наконецъ, привести его къ экономическому иорядку, который, рядомъ съ наибольшимъ развитіемъ производительныхъ силъ общества, обеспечивалъ бы наиболѣе цѣльное развитіе чловѣка. Но я прошу извинить меня: такое толкованіе для меня въ то же время и слишкомъ почетно, и слишкомъ постыдно.

Возьмемъ примѣръ. Въ разныхъ мѣстахъ „Капитала“ я упоминалъ о судьбѣ, постигшей плебсевъ древняго Рима. Они первоначально были свободными крестьянами, обрабатывавшими каждый на свой счетъ принадлежавшіе имъ

участки земли. Въ теченіи римской исторіи они были обезземелены. Тотъ-же ходъ вещей, который отнялъ у нихъ орудія производства и средства существованія, повлекъ за собою образованіе не только крупной поземельной собственности, но еще и большихъ денежныхъ капиталовъ. Въ одинъ прекрасный день все общество оказалось распавшимся съ одной стороны на свободныхъ людей, лишенныхъ всего кромѣ своей рабочей силы, а съ другой — на эксплуататоровъ этой силы, владѣтелей всѣхъ приобретенныхъ богатствъ. Что-же случилось? Римскіе пролетаріи сдѣлались не ваемными рабочими, а туеядцами, болѣе похожими на вещь, чѣмъ „бѣлые бѣдняки“ южныхъ штатовъ Сѣверной Америки, а рядомъ развилось производство не капиталистическое, а рабовладѣльческое. Такъ изъ явленій поразительно аналогичныхъ, но происходившихъ при различныхъ историческихъ условіяхъ, получились совершенно различные результаты. Изучая каждый изъ этихъ результатовъ порознь и затѣмъ сравнивая ихъ между собою, легко найти разгадку этихъ явленій, но этой разгадки не найдешь помощью всюду подходящаго ключа, въ образѣ какой-нибудь историко-философской теоріи, высшая заслуга которой заключается въ ея, такъ сказать, сверхисторичности.

КАРЛЪ МАРКСЪ.

ПРИЛОЖЕНИЕ ШЕСТОЕ.

ИЗЪ ПИСЬМА Г. А. ЛОПАТИНА КЪ М. Н. *)

Лондонъ. 20-го сентября.

...Не могу не подѣлиться съ Вами результатомъ моего перваго свиданія съ Энгельсомъ, думалъ, что вѣкоторыя изъ его мнѣній будутъ приятны для Васъ.

Мы много говорили о русскихъ дѣлахъ, о томъ, какъ пойдетъ, вѣроятно, дѣло нашего политическаго и социальнаго возрожденія. Какъ и слѣдовало ожидать, сходство взглядовъ оказалось подлѣйшее; каждый изъ насъ то и дѣло договаривалъ мысли и фразы другого. Онъ тоже считаетъ (какъ и Марксъ, какъ и я), что задача *революціонной* партіи или партіи *дѣйствія* въ Россіи въ данную минуту не въ пропагандѣ новаго социалистическаго идеала и даже не въ стремленіи осуществить этотъ далеко еще не выработанный идеалъ съ помощью составленнаго изъ нашихъ товарищей временнаго правительства, а въ направленіи всѣхъ силъ къ тому, чтобы 1) или принудить государя созвать Земскій Со-

*) Это письмо нашего дорогаго товарища Г. А. Лопатина относится къ 1883 году, т. е. ко времени, предшествовавшему его первой побѣдѣ въ Россію послѣ бѣгства изъ Вологды. Лицо, къ которому было адресовано письмо, не снятаю до сихъ поръ себя въ правѣ воспользоваться имъ, такъ какъ Г. А. передавалъ свой разговоръ съ Фридрихомъ Энгельсомъ не для опубликованія. Теперь же, получивъ отъ Фридриха Энгельса разрѣшеніе напечатать этотъ разговоръ, мы дѣлаемъ это тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что вопросы въ немъ затрогиваемые остаются и теперь такими же животрепещущими для каждаго русскаго социалиста. Слова уважаемаго друга Карла Маркса по отношенію къ Народной Волѣ составляютъ немаловажный историческій документъ среди мнѣній о дѣятельности русскихъ революціонеровъ, которая вызываетъ до сихъ поръ далеко не всегда вѣрную оцѣнку.

Прим. редакціи сборника «Съ родимы на родину».

боръ, 2) или же путемъ устрашенія государя и т. п. вызывать такіе глубокие безпорядки, которые привели-бы иначе къ созыву этого Собора или чего-либо подобнаго. Онъ вѣрить, какъ и я, что подобный соборъ *неизбѣжно* приведетъ къ радикальному, не только политическому, но и социальному переустройству. Онъ вѣрить въ громадное значеніе избирательнаго періода, въ смыслѣ несравненно болѣе усѣбшней пропаганды, чѣмъ всѣ книжки и сообщенія на ухо. Онъ считаетъ невозможной чисто либеральную конституцію, безъ глубокихъ экономическихъ перестроекъ, и потому не боится этой опасности. Онъ вѣрить, что въ *фактическихъ* условіяхъ народной жизни накопилось достаточно матеріала для перестройки общества на новыхъ началахъ. Конечно, онъ не вѣрить въ моментальное осуществленіе коммунизма или чего-либо подобнаго, но лишь того, что уже назрѣло въ жизни и въ душѣ народа. Онъ вѣрить, что народъ съумѣетъ найти себѣ краснорѣчивыхъ выразителей своихъ нуждъ и стремленій и т. д. Онъ вѣрить, что, разъ начавшись, это переустройство, или революція, не можетъ быть оставлена никакими силами. Важно поэтому только одно: развить роковую силу застою, выбить на минуту народъ и общество изъ состоянія кочности и неподвижности, произвести такой безпорядокъ, который принудилъ-бы правительство и народъ заняться внутреннимъ переустройствомъ, который всколыхнулъ бы спокойное народное море и вызвалъ бы всенародное вниманіе и всенародный *энтузіазмъ* къ дѣлу полнаго общественаго переустройства. А результаты лягутъ сами собою, и именно тѣ, которые возможны, желательны и осуществимы для данной эпохи.

Все это чертовски кратко, но обстоятельнѣе я теперь писать не могу. Къ тому же все это, быть можетъ, не вполне понравится Вамъ, а потому сибѣю передать Вамъ съ буквальной точностью другія его мнѣнія, которыя очень лестны для русскаго революціонной партіи. Вотъ они:

«Все зависитъ теперь отъ того, что будетъ сдѣлано въ ближайшемъ будущемъ въ Петербургѣ, на который устремлены нынѣ глаза всѣхъ мыслящихъ, дальновидныхъ и проинициательныхъ людей цѣлой Европы».

«Россия, это — Франция нынѣшняго вѣка. Ей законно и правомѣрно принадлежить революціонная инициатива *новаго* социальнаго переустройства».

«... Гибель царизма, уничтоживъ послѣдній оплотъ монархизма въ Европѣ, упразднивъ «агрессивность» Россіи, ненависть къ ней Польши и многое другое, поведетъ къ совершенно иной комбинаціи державъ, разшибетъ въдребезги Австрію и вызоветъ во всѣхъ странахъ могучій толчекъ въ сторону внутренняго переустройства *)».

«... Едва-ли Германія рѣшится воспользоваться русскими безпорядками, чтобы двинуть свои войска въ Россію для поддержанія царизма. Но если-бы она сдѣлала это, тѣмъ лучше. Это было-бы гибелью ея нынѣшняго правительства и началомъ новой эры. Присоединеніе къ ней балтійскихъ провинцій бессмысленно и неосуществимо. Подобные захваты противоположныхъ (?) или прилежащихъ узкихъ бережій и ключковъ и получившіяся отсюда нелѣпныя формы государствъ были возможны только въ XVI и XVII вѣкахъ, а не теперь. Къ тому-же ни для кого не тайна, что вѣмцы составляютъ тамъ ничтожное реакціонное меньшинство».

*) Здѣсь — очевидно, по конспиративнымъ соображеніямъ, теперь уже потерявшимъ свое значеніе, — редакція сборника «Съ родины на родину» опустила интересное мѣсто, содержащее тактическій совѣтъ Энгельса относительно дальнѣйшаго направленія террористической борьбы:

«*Мнѣ кажется, что по части «устраненій», надо направлять всѣ силы на «барина»: или его, или никого. Послѣ 1-го Марта, все остальное было бы слишкомъ мелко».*

Опущено также слѣдующее мѣсто изъ рѣчей Энгельса относительно германской социалдемократіи:

«Идеи совершенно лишены революціонной *инициативы*. По своему, дѣло идетъ у нихъ прекрасно. Но ждать отъ нихъ почти ничего. Они могутъ быть подтолкнуты на революціонный путь только другими народами, въ данный историческій моментъ — Россіей».

Наконецъ, въ томъ же самомъ письмѣ есть и еще одно мѣсто, опущенное, очевидно, по малозначительности:

«Я говорилъ Энгельсу, что у насъ оказывается нужнымъ *доказывать*, что Марксъ не былъ *примемъ* политической дѣятельности. Онъ не мало сдѣлалъ этому — и передалъ мнѣ, къ слову, нѣсколько другихъ подобныхъ же курьезовъ».

(Прибавляю этотъ пунктъ для Ю. П. въ виду ея ультрапатріотическихъ мнѣній по этому пункту).

«И я, и Марксъ находимъ, что письмо Комитета къ Александру III положительно прекрасно по своей политичности и спокойному тону. Оно доказываетъ, что въ рядахъ революціонеровъ находятся люди съ государственной складкой ума».

Надѣюсь, что все это достаточно лестно и пріятно для Васъ, и что Вы поблагодарите меня за эти строки? Помните, я говорилъ, что самъ Марксъ никогда не былъ марксистомъ? Энгельсъ рассказывалъ, что во время борьбы Брусса, Малона и К^о съ другими Марксъ говорилъ смѣясь: «могу сказать только одно: что *я не марксистъ!*»...